

ВЛАДИМИР ФЁДОРОВ

СЕЗОН ЗВЕРЯ

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Сибиряда. Собрание сочинений

Владимир Федоров

Сезон зверя

«ВЕЧЕ»

1996

Федоров В. Н.

Сезон зверя / В. Н. Федоров — «ВЕЧЕ», 1996 — (Сибириада. Собрание сочинений)

ISBN 978-5-4444-8976-5

В остросюжетном романе Владимира Фёдорова рассказывается, как в геологической партии, заброшенной в самую глубину загадочных и таинственных Верхоянских гор, происходят необъяснимые трагедии, отдающие мистикой. Небольшая горстка людей не подозревает, что виновник событий находится рядом с ними, а его действиями управляет страшное родовое проклятие...

ISBN 978-5-4444-8976-5

© Федоров В. Н., 1996

© ВЕЧЕ, 1996

Владимир Фёдоров

Сезон зверя

© Фёдоров В. Н., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

* * *

Такую уйму бабочек Звереныш видел только однажды. Невесть откуда взявшиеся, одинаково белые и разом потерявшие всякое ощущение опасности, они сбивались на влажных проплешинах лесной дороги в плотные круги, напоминавшие огромные трепещущие цветы. Два зверя – большой и маленький – при полной безучастности всегда столь осторожных легкокрылых красавиц разом загребали лапами целые их стаи и, довольно урча, отправляли в пасть, наслаждаясь подарком июньской тайги...

Сейчас белых бабочек было не меньше, но они были переполнены жизнью и скоростью, стремительно неслись навстречу Зверенышу искрящимся белым потоком и ловко уворачивались перед самыми зубами, оставляя на языке только привкус холода. Вдруг этот холод резко усилился, по глазам Звереныша резанул свет, и ему показалось, что откуда-то сверху ударила черная молния. И не просто ударила, а вонзилась с хрустом ему в лапу, да так нестерпимо, что он разом проснулся и вертанулся было от боли, но был крепко зажат под выворотень теплым и тяжелым боком медведицы. Она чуть шевельнулась и недовольно рыкнула во сне. Сверкнув глазенками из-под своего корня, Звереныш увидел, что часть куржака, затягивавшего лаз берлоги, обрушена внутрь логова, а в образовавшемся провале, за крест-накрест упавшими на него лесинами маячит силуэт какого-то двуногого существа с неизвестным резким запахом. Вот оно вскинуло вверх лапы, и в берлогу снова ударила та самая черная молния из сна, а в яви, как понял теперь Звереныш, деревина с острым концом. На этот раз она хряско пришлась в спину медведицы, заставив ее издать утробный рык и затрясти головой, стряхивая остатки так грубо прерванного сна.

Люди наверху действовали по своим правилам. Тихонько подпилив несколько рядом стоящих лиственниц и разом свалив их на берлогу, они для начала лишили спящего зверя возможности мгновенно вымахнуть из логова. Затем трое из них, изготовившись, встали с ружьями за стволы ближних деревьев, а четвертый, помоложе, вырубив длинную жердину и заострив, а потом еще и расщепив ее конец, принялся тыкать им в развороченную отдушину.

Услышав рык зверя и поняв, что берлога не ложная, стрелки стали наперебой выкрикивать советы молодому:

– Давай-давай, посильней его, посильней!

– Крути, крути, накручивай шерсть-то на жердину! Да тyani, тyani! Вишь, не хочет выходить...

– Смотри, чтоб отскочить успел. Как вымахнет!..

Молодой, скорее успокаивая сам себя, неестественно позвончевшим голосом кричал в сторону лаза, не отрывая от него глаз:

– Ничо, не вымахнет! Крепко придавили!.. А ну, давай вылазь, хозяин! Вылазь!..

Взъяренная медведица метнулась вверх ожившей глубиной, но наваленные на берлогу деревья погасили всю мощь, вложенную в бросок. Между стволами прошли лишь голова и одна лапа. Слепленная ярким светом и снегом, ничего еще толком не понявшая, она принялась с ревом распахивать тяжелые замороженные листвяки. И тут же раз за разом, наперегонки громыхнуло несколько выстрелов. Оскаленная пасть, проглотив рык, утонула в берлоге.

– Готов! Замочили! – прокричал молодой, успевший отбежать на приличное расстояние.
– Погодь! – остановил его один из стрелков. – Может, ранен или только затаился. Ну-ка, давай еще жердью.

Молодой подхватил свое орудие, осторожно приблизился к берлоге, ткнул в нее раз, два, нащупал концом жерди тушу, накрутил на расщеп шерсть, потянул.

– Готов! Готов, говорю! Не шевелится!

– Ты эта... не спеши, – опять остановил его старший.

– Пошебурши там жердью-то как следует. Бывает, и два зверя в одну берлогу ложатся. Как бы не вымахнул...

– Да нет там ничего, – ответил молодой, но на всякий случай еще с десятков раз ткнул жердью в разные углы логова.

Стрелки вышли из-за деревьев, стали доставать папиросы, закуривать.

Потом кто-то пошел за привязанными вдалеке двумя лошадьми, запряженными в сани, а остальные обступили берлогу, принялись не спеша раскатывать в стороны деревья, освобождая лаз.

Звереныш забился под корень и весь сотрясаясь от крупной дрожи. Он был впервые в жизни так сильно испуган слившимися в один сплошной ужас грохотом выстрелов, бившейся в агонии и рычавшей что-то страшное матерью, запахом гари и неизвестных страшных существ, породивших все это. Инстинкт подсказывал одно: надо поглубже вжаться в нишу и ничем не выдавать себя. И он, собравшись в трясущийся комок, глубоко уткнулся мордой под мышку и почти перестал дышать, забыв даже про боль в искалеченной лапе.

– Ну че, Васька, коль, говоришь, замочили, так лезь, цепляй добычу, – предложил старший.

Молодой подхватил конец веревки и стал осторожно спускаться в лаз, пробуя с опаской вытянутой ногой невидимую темноту логова.

– Смотри, цапнет, – пошутил один из стрелков.

Молодой запальчиво усмехнулся:

– Отцапал свое! – Хотя сам невольно приостановился. Но потом набрался мужества и ушел в берлогу с головой. Тут же из-под земли раздался его голос: – Ну и вонища у него в избе! Задохнешься, пока привяжешь!..

– А ты как хотел? Он в баню по субботам не ходит, – хохотнул старший, – да и спину тереть некому, раз один залег.

– У-у-х! – Как из воды вынырнул из логова молодой и сквозь кашель, от которого не смог сдержаться, прохрипел, махнув рукой: – Тяни-и...

Охотники подхватили конец веревки, пропустили сквозь чересседельники обеих лошадей, пугливо пританцовывающих на месте, замахали руками, понукая. Веревка натянулась, и огромная бурая туша медленно и неохотно поползла из лаза, заскользила по снегу к заранее утопанной площадке.

– Хватит, хорош! Докуривай, мужики, и давай разделывать. А ты, Васька, спрыгни-ка еще раз в берлогу, пошуруй по углам, – скомандовал старший. – Медведицу взяли, вона, гляди, соски-то какие... Нонешних-то медвежат у нее еще быть не должно, рано, они к марту родятся, а вот прошлогодний пестунишко мог с мамкой залечь.

– Да нет там никого, я же глядел, – отмахнулся было молодой, но все же пошел к берлоге и, набрав воздуха в легкие, как перед нырком, спустился в логово, начал пинать валенками стенки и углы. Берлога была большой, глубокой, с поворотом, и лаз, даже развороченный теперь, едва освещал лишь ее середину. Да и глаза со света сразу не могли обвыкнуться. Поэтому молодой действовал почти вслепую.

Звереныш, ощущая страшное существо совсем рядом, вовсе перестал дышать. Человек почти натолкнулся на него, но, ударившись коленом об нависающий над медвежонком обломок корня, отпрянул назад и выругался:

– Мать твою... Ноги все обломаешь! Нет тут ни хрена, говорил же! – И полез к выходу.

Звереныш этого не знал, но его спасла лапа, боязливо прикрывавшая морду. Множество более неудачливых маленьких его сородичей, как бы они ни таились в темноте берлог, обычно сразу выдавали желто-красные звездочки горящих глазенок...

Страшные существа не исчезали очень долго. Звереныш не только чуял их, но и хорошо слышал, как они, весело переговариваясь, занимались какими-то своими делами. Медленно текущий зимний промороженный воздух наносил в логово то горечь дыма, то терпкость свежей крови, то какие-то вовсе незнакомые и враждебные запахи и звуки. И каждый раз пестун невольно вздрагивал, переставал зализывать ноющую лапу и настораживался: а не последуют ли за этим Они?! Но существа как будто уже и забыли о логове, оно их больше не интересовало.

Лишь когда ранняя зимняя темнота опустилась на лес, гася падающий в лаз свет, скрип снега и голоса наверху стали затихать и удаляться. Звереныш понял, что страшные чудовища уходят. Но еще долго он не решался выбраться из-под спасительного корня, а еще дольше – вылезти из берлоги, хотя до озноба хотелось броситься скорее по следу так непонятно покинувшей его и не защитившей в минуты опасности матери, отыскать ее в темном лесу, прижаться к теплому брюху и поскулить, жалуясь на боль и перенесенные страхи.

С трудом выкарабкавшись к краю лаза, он высунул морду и огляделся. Над деревьями сквозь морозный туман поднимался мутный горящий круг. В волнах его бледного света на истоптанном снегу поляны чернели какие-то большие и малые бесформенные пятна.

Поджимая переднюю лапу, он заковылял по широкой полосе материнского запаха, но почти сразу набрел на одно из пятен, которое оказалось снегом, пропитанным уже подмороженной кровью. Вкус и запах ее Звереныш знал, помнил по материнской добыче – леным уткам и зайчатам, которых ей иногда удавалось ловить летом. Он обогнул кровавое пятно и уперся в другое такое же. Чуть в стороне над бесформенной темной кучей поднимался легкий парок. Медвежонок повернул к ней и уткнулся носом в свежие, еще не остывшие внутренности. Он знал и их вкус, но сейчас лизнул, а есть не стал: чувство голода еще не проснулось. Рядом с кишками Звереныш обнаружил два каких-то маленьких безжизненных существа. С неестественно огромными для них головами и столь же ненормально крошечными лапками, они были одинаково лишены шерсти и сжаты в уже начавшие промерзать комки.

А дальше запаха матери и ее следов не было. С поляны уходил лишь один след – глубоко продавленный двумя полосами и густо наполненный запахами страшных существ. На него Звереныш не посмел даже ступить. Обойдя по натоптанному кругу берлогу и несколько раз сунувшись в глубокий снег, топивший в себе по самую спину, Звереныш, жалобно поскуливая, вернулся в логово и снова принялся зализывать лапу, пытаясь пристроить ее так, чтобы боль была меньше.

В эту ночь он не уснул: слишком сильным было потрясение, да и в ногу при каждом движении словно впивались сотни заноз. И еще он ждал, что мать, видимо испугавшаяся страшных существ и куда-то от них убежавшая, к утру вернется, как летом она возвращалась с ночной охоты, и выстывшая берлога вновь наполнится ее теплом и родным запахом.

Не уснул он и на завтра, но ночью Звереныша выгнала из логова уже не надежда отыскать мать, а давший знать о себе голод. Подступаясь то с одной стороны, то с другой, он погрыз промороженные внутренности, а потом съел одного за другим тех двух маленьких существ, что обнаружил в первый вечер. На сытый желудок и боль в ноге казалась не такой уж нестерпимой, и в берлоге как будто потеплело. Глаза Звереныша стали медленно слипаться. Он отходил в сон, даже не подозревая, что только что насытился теми, с кем вместе должен был проснуться весной и кого должен был нянчить-пестовать, почему и прозывался в этом возрасте пестуном.

Впрочем, имя это придумали для собственного удобства страшные существа – люди, а для него самого оно не имело никакого значения.

Зверенышу повезло во второй раз. Под утро потеплело и пошел такой снег, какого давно не бывало в здешних местах Якутии. Он не только упрятал все следы медвежьей трагедии, но и заново закупорил разоренную берлогу, оставив лишь крошечную отдушину.

Родителей своих Стенька помнил совсем плохо – так, как может запомнить ребенок четырех-пяти лет. В памяти остались не совсем четкие черты лица и отзвуки голоса, огромный рост и угрюмость отца, вечная грусть матери, часто и жалостливо глядящей сына по голове, да какие-то отдельные дни и случаи, запавшие своей необычностью, болью или радостью в душу мальчика.

Большинство воспоминаний были неприятными, от них веяло холодом, чем-то темным и тяжелым. Одно из самых первых несколько лет раз за разом прокручивалось в его снах, заставляя вскрикивать среди ночи и испуганно распахивать глаза, а потом залезать с головой под одеяло и тихонько всхлипывать там от страха и накопившихся детских обид.

...Отец корежится на полу, катается по выскобленным доскам, хрипит что-то непонятное.

– Порфирий, Порфирий! Скорей! Скорей! – кричит мать.

Она хватает отца за рукав, помогает подняться, выталкивает на улицу. На мгновение как бы очнувшись от свежего воздуха, он, неловко покачиваясь, торопливо хромотает в дальний амбар. Потрясенный Стенька бежит следом и приоткрывает дверь. Он видит, как мать помогает отцу спуститься в глубокий погреб, запирает за ним крышку на толстый железный шкворень, набрасывает сверху старую перину, изодранный половик, попону. И почти сразу же откуда-то из-под земли доносится глухой и далекий, но нестерпимо страшный вой человека, переходящий в звериный рык. Выскочив из амбара и захлопнув дверь, мать натывается на испуганно плачущего Стеньку и понимает, что он все видел и слышал.

– Пойдем, сынок, пойдем! – Она прижимает его к себе и крестит. – Заболел тятка наш. Опять заболел. С головой худо. Не бойся, пройдет у ниво. Пройдет к завтраму. Только ты людям никому не сказывай. Пойдем, сыночек...

Мать укладывает его на лежанку, заботливо укрывает и долго сидит рядом, поглаживая. Рука ее дрожит. Закрыв глаза, уже почти во сне он слышит:

– Только на тебя ба, соколик мой, беда энта не перешла, только на тебя ба... Ты-то не виновен, да и моей вины нету... Рази что польстилась на иво достаток, захотела из сирот в хозяйки. Из грязи – в князи. Вот и угодила... И остановить его сразу не смогла, не сумела... А когда послушался да одумался, поздно уж было... Да, сотворил тятка твой! Какой грех сотворил неподъемный!.. Бог его прости...

А еще врезалось в память, как в очередном своем припадке отец отталкивает мать, она ударяется головой о косяк и тихо сползает по нему на пол. А он выпрыгивает на улицу, как пьяный, мечется по двору, выскакивает через задние ворота и бежит без дороги по полю, присыпанному первым снегом, холодно вспыхивающим под огромной луной, бежит прямо к опушке страшного ночного леса, откуда еле слышится далекий волчий вой.

Возвращается отец рано утром. Лицо его осунулось, оно бледно и поцарапано, на руках ссадины, непокрытая голова всклокочена, а с бороды и усов свисают длинные розоватые сосульки. Он подходит к кровати матери, падает на колени и утыкается лицом в одеяло...

Что еще хорошо запомнил Стенька? Да, пожалуй, последний отцов вечер в доме. Осенью это было, незадолго до холодов.

Отец ходит по избе в непривычно нарядной рубашке, с гладко причесанными волосами и бородой. Насыпает в большой кошель кедровые орехи, а мать укоряет его:

– И че ты удумал-то, Порфирий? Женатый мужик – и к молодым на вечерку собрался! Че люди-то скажут!..

– А и пусть! Мне теперь все одно. Знаю я, какие обо мне по деревне слухи ходят. И как за глаза меня кличут – тоже знаю. Так что бояться неча... Вот хочу ныне с молодыми погулять – и все. Душа просит. Не держи ты меня... За им лучше пригляди, коли что... – Он кивает головой в сторону Стеньки: – А у меня теперь одна дорога... Один конец. И чем скорей...

– Ты это че, Порфирий?.. – В голосе матери звучит уже тревога. – Ты эта... не вздумай чиво... Пройдет, можа, еще все... Ты в церкву почаще... Бог – он милостив...

– Да только не ко мне...

– Ты эта... шкуру-то сжег... проклятую?

– И пепла не осталось. И знашь, будто на душе полегчало, отпустило чуток. Через то и на вечерку собрался... Тяжко мне, Марфа, ох как тяжело... да ты и сама знашь... Вот и хочется сбросить тяжесть-то...

– Ну, иди, коль решил. Мож, и впрямь полегчат...

Перед самым порогом отец подзывает Стеньку, крепко прижимает его к себе и горячо шепчет в самое ухо:

– Мать слушай. Береги ее.

Что произошло с отцом в тот вечер, он, может быть, никогда так бы и не узнал, кабы... А в памяти детской остались только обрывки услышанных разговоров взрослых, из которых он долго не мог сложить что-то целое.

Прибежавшие с вечерки несколько девок затараторили наперебой:

– Тетя Марфа! Тетя Марфа!

– Беда, беда с твоим дядькой Порфирием! Припадок приключился!

– Как плясать стал, так и зашелся весь, закорезило его...

– И прямо в лес как побежит! В ночь, в темень!

– А как пришел-то сперва – всех орехами стал одаривать. Мол, берите да худым словом не поминайте. До прощеного воскресенья, баит, далеко, а у меня ноне свой прощенный день.

– И за Федотовых братьев покаялся, мол, молодой еще был, дурак. Зло на них держал: они года за три перед этим морду ему начистили. Хотя начистили-то, сам сказал, за дело – поймал он как-то за сараем сеструху их младшую, Ксюшку, да давай ее тискать, юбку задирать. А тут как раз Мишка ихний во дворе окажись да кликни братовьев. Выскочили – и отмолотили! Ну, он им и отомстил чужими руками, шашками красными...

– А ноне покаялся, впрямь покаялся. Берите, баит, орехи, да не поминайте лихом. За душу мою, баит, помолитесь, ежели че...

– А как закорезило, заревел страшно – и в лес!

– Не углядели! А и откуда знать-то было. Теперь ежели сам не придет, утром в лесу искать нада...

На следующий вечер в доме появилось несколько мужиков, говорили они негромко:

– Нету, Марфа...

– Вона сколь верст кругом обшарили, нету.

– Хотя тайга, сама знашь, большая... Завтре еще поищем.

Приходили они и назавтра, и еще несколько дней подряд. И все с теми же словами. А в последний раз зашел один уполномоченный из волости, вздохнул тяжело.

– Не сыскали, Марфа... Ты уж звиняй нас, но дела у всех сколь времени стоят... Не можно больше... Коли жив он да разумом посветлеет, глядишь, и сам выйдет. Бывали таки случаи... А мужиков грех винить, почитай, всю округу облазили... Вона Петька Кузнецов вчерась даже... медведя гиблого нашел. Под Черной Скалой. Али испугал его кто, али сам почему скинулся – разбился зверина насмерть. Дней пять тому, спух уж... И масти, Петька сказыват, особой – сизый, седой почти, как тот, на кладбище... Откель они таки в нашенской волости ивляться стали?..

Последние слова Стенька запомнил острой всего, потому что мать после них переменялась в лице и стала валиться на скамейку, на которой сидела. Уполномоченный подхватил ее, начал трясти, отпаивать водой, а потом, уже очнувшуюся, долго еще успокаивал.

Наутро Стенька пробудился еще до рассвета, видно, поселившиеся в доме боль и тревога передалась и ему. Он позвал недовольным голосом мать, но та не откликнулась. Подошел к родительской кровати – пустая. Вышел во двор и почти столкнулся с матерью, она шла от задних ворот, держа в руках лопату и какую-то котомку.

В первые недели после беды мать не отпускала Стеньку от себя, все гладила да целовала, жалостливо что-то наговаривала, называла своей надеждой. Но однажды, взяв в руки его ладошки и начав ими гладить лицо, вдруг резко отстранила их, повернула к свету и стала разглядывать. Несколько раз дернула, заставив его вскрикнуть, за редко растущие по всей ладошке тонкие золотистые волоски. Потом вперилась взглядом в Стенькину переносицу, провела несколько раз пальцем по густым, почти сросшимся бровям, приглаживая их и пытаясь разделить на две равные части. Отвернулась, склонив голову, и запричитала:

– И за што ж мне казнь-то така?! И за што ж Господь меня так?!

– Ты че, мамка, ты че?! – успокаивал ее Стенька, ничего не понимая. Но она лишь заходила сильнее и сильнее.

Назавтра мать слегла. А к концу лета ее не стало. Несчастный, ничего не понимающий Стенька, которого в деревне никто не пожелал взять к себе в семью, был отправлен в губернский приют. Испытав на себе всю трагедию семьи, он так и не узнал ее предысторию, потому что больше никогда не возвращался в родную деревню и не встречал никого из земляков.

То сбегая, то кочуя из одного детского дома в другой, он сам себе придумал родословную: отец Порфирий Яковлевич Хмуров, кавалерист Сибирского красного корпуса, умер от ран, полученных в боях с колчаковцами, мать Марфа Егоровна Хмурова, колхозная активистка, убита кулаками-мироедами.

Звереныша пробудил негромкий перестук. Звук этот, поначалу еле слышный, постепенно придвигался все ближе и становился все громче. И в конце концов приблизился настолько, что явно связанное с ним что-то верткое и холодное шлепнуло Звереныша прямо по уху и скользнуло под шерсть – к шее. Он недовольно потряс головой и, еще не открывая глаз, ткнулся носом в пустоту, ища мать. Рядом ее не было. Он потянулся дальше, но и там не нашел родного теплого бока. Открыл глаза, поморгал, непонимающе и слепо глядя на яркие белые столбы, пронзающие сверху вниз полумрак берлоги, долго разглядывал пляшущих внутри столбов крошечных, почти невидимых мотыльков. И только потом начал вспоминать, что же произошло посреди зимнего сна... да, мать покинула его и не вернулась, а виноваты в этом какие-то страшные двуногие существа, несущие гром и дым...

Тихонечко поскулив и окончательно придя в себя, он разворошил носом остатки продырявленной солнцем снежной шапки над логовом и взглянул наверх. По глазам резануло еще сильнее, но свалившаяся за зиму шерсть почти сразу же стала наполняться приятным теплом.

Поляна, которая, казалось, еще миг назад стояла перед глазами заваленная глубоким снегом и безжизненная, сохранила лишь клочки своей белизны, которые были редко разбросаны по мху, ягоднику и прошлогодней желтой траве. На высохшей лиственнице напротив сидела пестрая птица и звонко колотила по дереву длинным клювом.

И в этом обновленном мире он не смог ни учуять, ни увидеть ничего из тех обрывков воспоминаний – ни зловещего запаха страшных существ, ни следов матери, ни пятен хрусткой замерзшей крови. Были только медленно пробуждающийся лес и он, уже пробудившийся.

Звереныш неловко потоптался на месте. Отвыкшие за долгую зиму от движений лапы были непослушны, а правая вообще ступала неловко, с вывертом. Он еще раз вспомнил про прерванный сон и удар черной молнии, осторожно оперся на лапу, пытаясь удостовериться, что боль ушла. Да, она как будто ушла, но сейчас это трудно было понять, потому что все четыре

подошвы, с которых за зиму слезли толстые ороговелые мозоли, были покрыты нежной молодой кожей, неприятно ощущавшей каждый сучок или ветку. Пасть тоже казалась чем-то связанной и открывалась с трудом, не выпуская непослушный язык. Пестун проснулся, но организму звереныша требовалось еще время, чтобы он включился полностью. Каким-то образом ощутив это, пестун проковылял обратно в берлогу, отодвинулся подальше от лужицы на ее дне и снова свернулся калачиком на подстилке из мха.

Назавтра он побродил по проталинам чуть подольше, потом – еще подольше, постепенно отходя все дальше от берлоги и заново исследуя ее окрестности, которые казались такими привычными и родными осенью. Но, к сожалению, осенью же они были тщательно вычищены медведицей и им от съедобных корневищ, ягод и другой пищи и теперь почти ничего не могли предложить желудку.

Поняв это, Звереныш, будто прощаясь, еще раз слазил в берлогу, понюхал ее углы, потыкался носом в подстилку, медленно выбрался наверх и, приглядываясь поначалу к каждому пню, захромал туда, куда его вел инстинкт, – к южным, уже прогретым склонам темнеющих вдали сопок.

Днем он отсиживался где-нибудь под выворотнем или в густой чаще, а ночью шел. Впрочем, ночи уже почти не приносили с собой темноты, и определить их наступление можно было только по затишью во всем живом мире: переставали звучать птичьи голоса, замирали где-то жуки и бабочки, не шныряли по деревьям верткие бурундуки. А солнце – оно лишь ненадолго ныряло за вершины сопок и снова плыло по кругу.

Брусника прошлым летом уродилась хорошая, а потому урожая ее не только хватило всей лесной живности, но и часть его ушла под снег. И вот теперь Звереныш время от времени наталкивался на такие нетронутые островки. Конечно, часть брусники осыпалась, а та, что висела на веточках, стала сморщенной, кислой и водянистой, но и такая ягода казалась подарком судьбы среди ранней и не слишком щедрой пока весны. Потом к бруснике добавились якутские подснежники – сон-трава, что стали вспыхивать яркими желтыми и фиолетовыми огоньками на голых склонах. Стебли цветков, покрытые тонким пушком, были чуть горьковатыми, но зато сочными и мясистыми.

Когда чувство голода перестало беспокоить Звереныша, на смену ему пришло желание отыскать если не мать, то хотя бы кого-нибудь из сородичей. Впрочем, по урокам прошлого лета пестун знал, что в тайге можно наткнуться, а то и быть специально подстерженным немалым количеством врагов. Главные из них – серые хвостатые звери, хитрые и злобные, почти никогда не охотящиеся поодиночке. Правда, как ни крутились они несколько весенних дней вокруг медвежьей семьи, но ни разу так и не решились напасть в открытую – боялись лап молодой и сильной медведицы. А окажись Звереныш тогда без опеки – не миновать ему волчьих зубов. Единственное спасение, которому его сразу же стала обучать мать, – влезть на дерево. Хвостатые забираться на них не умеют. А вот рысь и росомаха и там достать могут. Вернее, могли достать прошлым летом, когда он был поменьше, сейчас же Звереныш им и в весе, и в силе не уступит. Значит, остерегаться надо только хвостатых да тех страшных существ с громом.

Северная природа пробуждалась быстро, и не успел медвежонок до конца обследовать ближайшие склоны, как на них стала пробиваться ярко-зеленая трава, а из набухших почек выглянули клейкие листочки.

Поедая однажды утром молодые побеги, он и поймал вдруг носом желанный запах медведицы, так похожий на материнский. Забыв про еду, Звереныш несколько раз с шумом втянул воздух ноздрями, определил направление и, не в силах сдержать себя, побежал.

В самом центре полянки, на край которой его вывел запах, обхватив друг друга лапами и довольно повизгивая, катались два маленьких медвежонка. Они так увлеклись игрой, что поначалу и не заметили его, оказавшегося совсем близко. А заметив – замерли от неожиданности.

Приветливо урча и раскачивая головой из стороны в сторону, он подошел к малышам, всем своим видом демонстрируя расположение и желание подружиться. Легонько тронул одного языком, потянулся лапой к другому. И тут же от страшного рева за спиной стремглав отскочил в сторону. Сжавшись в клубок, он только успел заметить, что прямо к нему летит разъяренная медведица, и закрыл глаза, ожидая страшного удара когтей. Но, видимо, так беззащитен и жалок был его вид, что взъярившаяся было мать, сразу поняв, с кем имеет дело, только презрительно отвесила ему оплеуху. Повернувшись к медвежатам и недовольно на них проворчав, она тоже по разу шлепнула малышей по холкам и погнала впереди себя по старой звериной тропе.

Не ожидавший такой негостеприимности, Звереныш тем не менее сообразил, что с ним, невесть откуда появившимся чужаком, обошлись все-таки по-доброму. Судя по тому как поспешила медведица на защиту своих чад, все могло бы кончиться для незваного гостя гораздо плачевнее. А потому, выждав немного, он потихоньку двинулся следом за удаляющимся семейством.

Так он и бродил за ними несколько дней подряд. Поначалу медведица отгоняла Звереныша рыком или двумя-тремя устрашающими шагами в его сторону, но постепенно сменила гнев на милость и разрешила беспризорику присоединиться к семейству. В конце концов, она тоже была заинтересована в этом: собственного пестуна у нее год назад не появилось, а справиться с озорниками без няньки было не так-то просто. К тому же она чувствовала, что совсем скоро закон продолжения жизни заставит ее на целую половину луны оставить детенышей в этом относительно обеспеченном кормом месте, а самой уйти с самцом к дальнему озеру с пустынными берегами. Кто же тогда присмотрит за малышами?..

Счастлив тем, что его не отвергли, Звереныш старался угодить медведице изо всех сил. Он позволял малышам нещадно мучить себя в забавах, ловил для них жуков и кузнечиков, выкапывал корни, учил лазить по деревьям, внимательно следил, чтобы они не совали свои глупые носы куда не следует, не забредали далеко в одиночку. И когда однажды ночью медведица исчезла, медвежата почти не обратили на это внимания.

Коли прижилась где беда, так и не жди, что она скоро нагретое место покинет, а и уйдет – долго будет еще след ее тянуться, немало лиха к себе приманит. Так получилось и со Старой Еланью. Хоть и закончилась беспутная и братоубийственная война гражданская, а вот, гляди, опять эхо ее аукнулось.

Подчистую почти свела война мужиков во всех двенадцати дворах маленькой сибирской деревеньки, мирно стоявшей себе в полусотне верст от ближайшей железнодорожной ветки, кормившейся от земли и тайги и никого не трогавшей. И вдруг – напасть за напастью: одну неделю белые нагрянут, другую – красные. И те и другие мужиков, что помоложе да поисправнее, себе под ружье забрать норовят, и те и другие трясут-требуют то коней, то подводы, то провиант и фураж, а не угодил – получай шашкой по лбу. Да и помощи-то попробуй: уйдут красные – белые «изменников» к стенке ставят, белых выбьют – красные лютуют. Вот и извели почти всех, кто при силе был, одни старики да калеки остались. Девкам и бабам, конечно, тоже досталось, но тех хоть жизни не лишали.

И стал при таком раскладе первым мужиком на деревне Порфирий Хмуров. Молодец среди овец. Хотя парнюга он, ничего не скажешь, – видный, все при нем – и рост, и стать, и кудри, словно смоль. Только ушиблен чуть на правую ногу, но после такой-то заварухи – пустяк. В самом начале войны оторвало ему шальным беляцким снарядом пальцы, как бритвой сбрило. Но на белых он зла никак не выказывал, будто и не в обиде был. Как заявятся – «ваше благородие»... И красным тоже не перечил. Да еще с костылем, вот никто и не трогал. Правда, родители его за войну как-то сами по себе отошли, Бог прибрал. Остался Порфирка полным хозяином крепкого двора. А война кончилась – и костыль выбросил: то ли пообвык уже без пальцев ступать, то ли без надобности стало в убогих числиться. Прихрамывает, конечно, немного, но держится гоголем. Это понятно – как жертве белогвардейской и сознательному

элементу ему от новой власти и послабления по налогу, и уважение. Девки, что помоложе и ума еще не нажили, от Порфирия так и сохли. А выбрал он Марфушку из соседней деревни. Сироту безродную – тише воды, ниже травы.

Ну, девки девками, а старики и бабы в возрасте не шибко его жаловали. Из-за братьев Федотовых. Хорошие были парни – и работающие, и приветливые, и напасти их как-то обходили, да вот угораздило под самый конец войны, когда вроде уже всем понятно стало, что красные должны осилить, записаться в белые. Так уж их мать с отцом не хотели пускать, будто сердце чужло, – ан нет, настояли на своем, сели все трое на коней – и айда.

И надо же было такому случиться, что отряд их через месяц разбили почти у самой Старой Елани. Через свою деревню они и пытались в тайгу уйти. И ушли бы, в тайге-то ближней каждое дерево знали – ищи их там, что иголку в сене. Да на Порфирии оплошали. То, что у Порфирия двор проездной, со вторыми воротами на зады – это вся деревня знала. Вот и хотели братья сквозь него проскочить, уйти от погони. Подскакали, лошади под ними все уже в мыле, а на самом хвосте – красные. Торкнулись в ворота – открыты, быстрее – вовнутрь. А Порфирий вдруг выскочил через задние ворота да и подпер их бревном снаружи. Подлетели братья к заплоту и затанцевали на месте – и не откроешь, и не перескочишь: высоко... И тут красные, десятка два, следом вломились. Понятное дело, изрубили в куски. Порфирке в награду коней их отдали да сознательным элементом принародно назвали.

Мать Федотовых, как увидела, что с ее сынками сделали, так тут же, прямо во дворе Порфирки, куда прибежала сломя голову, и померла. Сердце не выдержало. Отец тоже недолго протянул, не больше года после этого. Вышел как-то к колодцу за водой, упал – и все. Так и прихоронили его пятым в их семейный крайний рядок на погосте.

Вот там-то, на горке за деревней, и приключилась теперь новая беда. На днях прибежали перепуганные ребятишки, кричат, что, мол, кто-то могилку дедушки Федотова порушил. Пошли люди, глянули – могила и впрямь разрыта, крышка гроба разворочена, а прах в нем истерзан и разметан вокруг. Обомлели было: что за нехристь способен на такое злодеяние? Но тут же кто-то увидел, что на сырой земле у самой могилы отпечатана огромная медвежья лапа.

– Я-а-сно де-ело, – протянул, покачав седой головой, один из стариков, – пристрастился, видать, к мертвечине-то, пока война шла. Вона сколь ее везде валялось. А теперь неприбранные покойники перевелись, он и полез на погост...

Поохали, повздыхали, послали пацанов за лопатами и досками, прибрали стариковы косточки да разошлись по домам.

А через день опять ребятишки бегут – другую могилу злодей осквернил.

Стало понятно, что повадился людоед надолго. Слава Богу, живых пока не тронул. Оставалось одно – побыстрее его скараулить и застрелить. В охотники, ясно дело, вызвался Порфирий. Хотели было помощником ему кого-нибудь определить, да отказался. На большой сосне, что на краю кладбища росла, сделал лабаз, павшего козленка для привады меж могил бросил и стал ходить каждый вечер на засидку.

На третью ночь, а вернее, под самое утро и пришел медведь. Один за другим хлестануло несколько винтовочных выстрелов, разбудив деревню и заставив вспомнить недавнюю войну. Мужики помоложе, скучковавшись и прихватив на всякий случай кто топор, кто бердану, двинулись к погосту. А навстречу уже Порфирий вышагивает, посмеивается довольно.

– Готов зверюга! Матеруший попался! И масти какой-то необнаковенной... После первой-то пули к дереву кинулся, видно, учуял меня на лабазе. Облапил ствол и было наверх лезть, да сучья-то я все пообрубал, а с его тушей без их не вымахнуть... Ну, я сверху-то и всадил в иво ишшо три пули. Тут уж он и вниз сполз. Так и сидит, наполовину к деревине приваленный... Вот за телегой да подмогой пошел...

В Старой Елани, где каждый мужик – охотник, обычным медведем никого не удивишь, всяк их брал, кто одного-двух, а кто и пару десятков. Но этот оказался на особицу, пудов на

тридцать. Шкура у него и впрямь была не обычного бурого или рыжеватого цвета, а чисто сивого, почти седого, без единой подпалины. И потому, наверное, особенно зловещими казались огромные черно-красные когти и оскаленные в предсмертной агонии такие же непомерно большие розовые клыки. И лапищи были под стать – в бочонок не поместятся...

С трудом, поднимая слегами, завалили мужики зверя на телегу. Отвезли подальше от кладбища, выбрали полянку, свалили на землю. Большинство тут же заторопились домой – не хотелось об людоеда руки пачкать, да и запах от него шел покойнический, видно, в шерсть крепко впитался: кто знает, сколько он уже лет мертвецами промышлял. Двое, однако, кто помоложе, остались с Порфирием – подсобить ему шкуру снять. Понятно дело, такую и в избе на лежанке держать не станешь, и доху из нее себе сшить побрезгуешь, а вот ежели вымочить как следует в реке, а потом зимой проморозить, то кому-то в чужой деревне на хлеб променять можно. А хлеб нынче на дороге не валяется.

Когда оставшиеся на поляне, ободрав зверя, тщательно отерли о траву руки и присели с самокрутками на сухое дерево, один из помощников заметил:

– Нада бы сразу лопаты с собой взять да и закопать тушу-то.

– Да че копать-то, будто дел больше нету, – возразил другой, – много чести ему. От деревни далеко, заразу никак не донесет, пусть зверье им похарчуется.

Порфирий на эти разговоры вдруг недобро усмехнулся:

– Шустро вы чужой добычей распорядились. А я-то думал вас на свежатину пригласить, первача к ей выставить. Помните хоть, когда последний раз мясо-то ели?.. А они – выбросить, закопать... Помощнички!.. – Порфирия, видно, совсем обуяла жадность. – Вона сколь сала-то на ем!.. Закопать!..

– Да ты че, забыл, на чем он енто сало-то нагулял?! – не выдержал один из мужиков. – Да я иво хоть с первачом, хоть с медом в рот не возьму!

– И не бери, никто тебя насильно кормить не будет!

Порфирий зло выплюнул окурок, поднялся, взял нож и похромал к туше.

– Да он же человечину ел... – начал было другой помощник.

– А свиньи твои какое только дерьмо и падаль на улицах не жрут, так трескаешь же ты их! – оборвал его Порфирий.

– То свиньи. И не мертвечину жа...

– Ну, ладно! Не хотите – не надо! Живите и дальше впроголодь, а я не собираюсь.

Мужики пожали плечами и побрели домой, а Порфирий принялся зло разделявать тушу, пластать на части и укладывать на телегу.

Слух о том, что Порфирка убил людоеда и собирается есть его мясо, пролетел от двора ко двору мгновенно, и, когда он въехал в деревню, из-за стекол окон и щелей заплотов в повозку впивались десятки глаз, желая воочию убедиться в услышанном. Некоторые как бы ненароком оказывались на обочине, а кто и прямо спрашивал, указывая на прикрытую рогожиной убоину:

– Че, Порфирий, добычу везешь?

– Везу, – недобро и с вызовом усмехался он. – Приходи на свежатину. Али и ты брезгуешь?!

– Да благодарствую...

Возле самого его двора Порфирия поджидала деревенская знахарка бабка Пелагея. Маленькая, худая, согнутая почти в дугу, со своей кочергой и черным платком до глаз она больше напоминала бабу-ягу, чем добрую целительницу, хотя никому никогда не сделала зла, а своими травами и заговорами лечила и малых, и великих, и всю живность деревенскую.

– Ты че, Порфирка, и впрямь есть его удумал? – спросила она без обиняков.

– А ежели и так, то че?

– Не бери грех на душу. Ой не бери, Порфирка! Сыспокон веков такого зверя не пользовали. В ем же наетая и кровь, и плоть человечья. Не тошно будет?.. Да и не зря он масти-

то такой особенной. Не иначе как сам Нечистый в ивовую шкуру влез. Обличьем медведь, а мастью-то – чистый волколак-оборотень!..

– Мало мужики в лесу накаркали, так еще и ты, старая, напоследок привязалась. Ежели мяса нада, так бери кусок и помалкивай. А ежели из ума выжила да страшать пришла, то неча пугать, пуганые мы уже... Отошло твоё время. Не мешай-ка, ворота открыть дай.

– Да я к енттой черной немочи и близко не подойду! Чтоб огнем она вся сгорела!

– И не подходи! – Порфирий дернул вожжу и въехал во двор. – Да я вам всем назло ишшо и шубу из иво сошью. И носить буду!

Что-то бормоча себе под нос и мелко-мелко крестясь, Пелагея заковыляла прочь, опираясь на свою клюку.

Услышав треск ломаемых сучьев и почувствовав запах взрослого медведя, Звереныш, разморенный жарой, лишь лениво повернул голову в его сторону. Он знал, что зверь хоть и побродит рядом, но потом все равно, даже и не показавшись, уйдет своей дорогой. По крайней мере, так случалось уже несколько раз за нынешнее лето. Видно, у сородичей такие законы – не лезть в чужую семью, в ее ближние владения.

Но на этот раз гость, судя по звукам, шел прямо к ним и как будто не собирался сворачивать. Звереныш на всякий случай приподнялся, ткнул носом по очереди медвежат. Они тоже подняли головы, начали принюхиваться.

И тут на противоположный, открытый конец поляны вывалил большой самец. Судя по всему, он уже давно почуял их, но, укрытых кустами, не видел. Звереныш хотел было шагнуть навстречу или подать голос, но невольно застыл на месте: нетерпеливо трепещущие ноздри гостя, нервный оскал пасти и зло вспыхивающие глаза говорили отнюдь не о его дружелюбности. Еще раз шумно втянув воздух и определив направление, самец вдруг опустился на брюхо и медленно пополз прямо к кустам. Это уже был сигнал! Пестун, как не раз случалось в минуты опасности, подтолкнул медвежат к ближайшему дереву. Они суетливо покатались наверх черными колобками, повизгивая и осыпая кору. Поняв, что его заметили, медведь взлетел в воздух в прыжке и огромными скачками помчался к ним. Пестун бросился на дерево следом за медвежатами и тоже стал лихорадочно взбираться. Сделай он это на мгновение позже и самец в последнем прыжке достал бы его. Но на сей раз огромная когтистая лапа лишь сорвала кусок сосновой коры под самой пяткой Звереныша. Обозленный медведь облапил ствол и попытался его трясти, но дерево было слишком толстым для этого и только слегка подрагивало. Утробно рыча и роняя пену из пасти, он несколько раз обошел вокруг комля, от злости сломав ударами лап две маленькие сосенки. А потом лег на мох, не отрывая от медвежат налитых кровью глаз.

Перепуганная троица, прижавшись к стволу, с обмиранием разглядывала соплеменника, вдруг превратившегося в такого ярого врага. Вид у него был ужасный, как у всех самцов во время линьки и одновременно с ней идущего гона, а резкий запах прямо резал ноздри. Шерсть на звере висела лохматыми клочьями, к тому же облепленными грязью, одно ухо было разорвано и запеклось кровоподтеком. Медведь, видимо, был стар, потому что бока его до сих пор ходили ходуном – он никак не мог отдышаться после бега через поляну.

Пестун надеялся, что с наступлением темноты самец уйдет, но тот лишь ненадолго поднялся, пожевал листья с кустов и снова улегся на свое место: решил взять их измором. Преимущество, конечно, было на его стороне, но и медвежат голод должен был согнать вниз еще нескоро – на вершине разлапистой сосны хватало молодых нынешних побегов с кисло-сладкими шишками, а потом можно было погрызть и кору, нижний ее белый и сочный слой...

Видимо, поняв это, медведь утром долго глядел на них, потом лениво потянулся, поточил когти о мох, срывая его до мерзлоты, зло рыкнул вверх и медленно побрел сквозь кусты в ту сторону, куда ветер относил его отвратительный запах.

Посидев немного, малыши осмелели, зашевелились, закрутили головами. И не успел пестун дать им команду спускаться вниз, как более расторопная и везде первая самочка скользнула прямо по его спине, скатилась колобком на мох и радостно начала переваливаться с боку на бок, разминая затекшие от долгого и неподвижного сидения мышцы. Второй малыш тоже начал было спускаться следом, но неловко поставил лапу и угодил ею в развилку. Лапа застряла в рогатке, медвежонок заскулил, и пестун стал подниматься ему на помощь. Занятый этим, он даже и не понял, что произошло внизу, когда воздух вдруг зазвенел от отчаянного и резко оборвавшегося крика самочки. Метнув взгляд на крик, Звереныш увидел только склонившуюся над корневищем огромную бурую тушу. А потом оттуда донеслось чавканье, хруст костей и довольное урчание. Малыш наверху, мгновенно высвободив свою лапу, снова припал к стволу и испуганно запищал. Пестун быстро подобрался к нему и невольно прижался головой к трепещущему боку, за которым пойманной птичкой колотилось маленькое сердечко.

А тот, внизу, не спеша покончив с добычей, посмотрел вверх осоловелыми глазами, прорычал что-то добродушное и тут же начал засыпать, положив испачканную кровью морду на лапы.

Сколько длилась эта осада – Звереныш не помнит, наверное, очень долго. Но потом поляну вдруг потряс грозный рев, и на нее выметнулась разъяренная медведица. Самец едва успел вскочить на лапы и тут же был сбит с них. Медведица навалилась на него, пластая когтями и подбираясь зубами к горлу. В воздух полетели ключья шерсти и шкуры. С трудом вывернувшись, самец бросился наутек.

Медведица долго стояла над тем, что осталось от маленькой самочки, тыкалась носом в обрывки окровавленной шкурки и жалобно скулила.

Потом подняла голову вверх и рыкнула: слезайте! Если бы Звереныш знал, что ждет его внизу, он бы не торопился. Такую жестокую трепку пестун получил первый раз в жизни! Медведица катала его ударами лап по всей поляне, хватала за загривок, трясла и с размаху тыкала мордой в твердую землю, а напоследок зашвырнула в кусты. Чуть успокоившись и дав выход гневу, она принялась лизать испуганно забившегося в мох малыша.

Так пестун узнал, что коварными врагами могут быть не только другие звери и страшные существа, но и собственные сородичи.

Это был самый главный урок и самое главное потрясение лета. В остальном оно прошло спокойно и беззаботно. Возясь с малышом и теперь уже вовсе не спуская с него глаз, пестун в то же время чувствовал себя под надежной защитой медведицы. Время от времени она учила его ловить в ручье идущую на нерест рыбу, ловко подцепляя ее когтистой лапой, скрадывать ленивых и беспомощных в это время уток, выкапывать большие и сочные клубни таежной лилии, зорить гнезда ос и диких пчел, добывая из них личинок и сладкий мед. Цепкая память Звереныша все это схватывала на лету.

Жили Порфирий с Марфой, если со стороны глянуть, получше многих. А уж в Старой Елани – подавно. Война Порфирия не разорила, а еще и прибыток принесла – к захудалой его лошаденке три справных федотовских коня добавилось. У коровы телка подросла, сама отелась. Пять куренок по двору бродят, кудахчут. Огород под картошку на пять соток поднят. С утра до вечера есть над чем спину погнуть, но и вечером есть что ложкой из миски зацепить.

Марфе-то с ее голодным сиротским прошлым поначалу такая жизнь раем показалась, а что работы много – так она сызмальства никакого труда не чуралась. И Порфирий вроде молодую жену любил, руки ни разу не поднял, хотя раньше-то горазд был в деревенских драках кулаками помахать. С пьянкой он тоже не перебирал. Любую работу воротил – аж спина хрустела. Так что Марфе поперву казалось, что лучше мужика и не надо. Да к тому же и ростом, и лицом, и силушкой вышел – все при нем. Прихрамывает чуть, да разве это по нынешним временам изъян – после войны каждый третий вообще то безногий, то безрукий. Только соседи вот, да и все остальные деревенские не больно-то Порфирия любили. И нелюбовь эта сразу

же на нее перекинулась. Она в первые месяцы потянулась было ко всем еланским с открытой душой, с улыбкой да приветом, но в ответ ни одного доброго слова не услышала: то промолчат люди, то обронят равнодушно пару слов и все. Думала, завидуют достатку ихнему, а то и к Порфирию ревнуют, мол, прибрала безродная нищенка первого парня на деревне. А коли так, решила она, чего насильно в подруги лезть. И замкнулась, уединилась в дворе своем, неделями на люди не выходила. А когда первенца родила, то и вовсе чужие люди без нужды ей стали – заполнился дом лепетом да играми, заботами, как Стенечку получше накормить, как без материнского догляда не оставить. И Порфирий от сына без ума был: придет с подворья – и давай тут же мальчика тискать да под потолок подкидывать. Тем более что уродился Стенька точной его копией, весь в хмуровскую породу пошел. Глядя на их забавы, Марфа просто млела от нехитрого своего бабьего счастья.

Уж позже она поняла, за что их семью в деревне не жалуют. Даже помимо пересказанной бабкой Пелагеей страшной истории с федотовскими братьями.

Сидел у Порфирия где-то внутри гонор, непонятно откуда взявшийся и на каких дрожжах взращенный. Перед Марфой-то он дома не выкаблучивался, а на людях по любому случаю непременно хотел выставить себя лучше других – и умнее, и рачительней, и сметливей. А от этого и упрямство из него перло – скажет, как обрежет. Понятно дело, раз такой умник выискался. И не важно, прав или нет, – до конца на своем стоять будет. Марфа как-то попробовала раз или два – не при чужих, конечно, а дома вечером, под иконкой образумить Порфирия, гордыню усмирить посоветовала, как церковь велит. Но быстро поняла, что ничего, кроме лишнего скандала, такие разговоры в семью не принесут. И смирилась. В конце концов, он мужик, хозяин, с него и взыщется. И за слова свои, за дела свои ответ держать ему придется.

Вот и пришлось ответ держать. Как привез он этого проклятого медведя домой, она сразу поняла – быть беде. Быть! Только глянула на ободранную тушу, отливающую сизым полупрозрачным жиром, будто ноги у нее подкосились. Конечно, про могилы, людоедом разоренные, она знала не хуже других, Порфирий сам рассказывал. Да еще и проклятье бабки Пелагеи с улицы успела услышать. Марфе показалось даже, что в воздухе мертвечиной запахло. Зажала рот ладонью и заскочила домой.

– Че, тоже испугалась? – зло хохотнул Порфирий. – Ишь, какие все пугливые да брезгливые пошли, давно, видно, с голодухи не пухли!

Он выпряг нервно танцующего в оглоблях коня, поставил в ясли, повесил на штыри упряжь и зашел домой.

– Бери миску побольше, я тебе со стегна мяса напластаю, свежатины нажарим. А остальное в погреб спущу.

Марфа даже не двинулась с места.

– Или не слышишь? – повысил голос Порфирий. – Кому говорю, баба?!

– И слышать не хочу, – негромко, но твердо ответила Марфа. – Не прикоснусь к нему даже, хоть убей!

– Убить-не убить, а проучить бы следовало, чтобы больше мужа слушала, а не деревенских сумасшедших, – зло сплюнул на пол Порфирий.

Стенька, игравший в углу коровьими бабками и что-то негромко напевавший, испуганно замолк.

Порфирий сдернул с полки самую большую миску, с грохотом свалив остальные на пол, ухватил со стола нож и вышел из избы, громко саданув дверь. Не успела Марфа подойти к притихшему сыну и что-то ему сказать, как Порфирий снова зашел в дом, схватил с приплечика глубокую чугунную сковороду, еще раз хлопыстнул дверь и захлопал во дворе дверцей печки, растапливая ее. В осеннее небо пополз наклонной струйкой белесый дым, а вскоре за ним потянулся запах жареного мяса.

Прошло еще немного времени, и Порфирий вошел в дом, неся на ухвате сковороду, в которой горой дымилось и скворчало снизу в медвежьем жиру темное мясо.

– Ладно, хватит выкобениваться, идите есть, – позвал он миролюбиво.

Марфа, снова зажав ладонью нос и рот, метнулась к выходу, на ходу подхватив свободной рукой Стеньку, но Порфирий, шагнув наперерез, перед самой дверью вырвал у нее сына и подтолкнул в спину.

– Да катись ты ко всем чертям! Мать твою!.. – выругался он. И добавил невесть откуда пришедшую в голову присказку: – Губа толще, брюхо тоньше!

Ночевала Марфа в выставшей уже бане, запершись изнутри на крючок. Почти всю ночь протряслась от слез, обиды, холода и давящего душу предчувствия.

В избу она вернулась днем, когда Порфирий запряг коня и выехал со двора по каким-то своим делам. Стенька обрадованно кинулся ей на шею и, стараясь говорить по-взрослому, гордо выпалил:

– А мы тут с тяткой без вас, баб, свежатины ели! Вку-у-сная медвежатинка получилась!

Марфа, держа его на руках, медленно осела на лавку.

С Порфирием они через день-другой помирились: никуда не денешься – семья, хозяйство. Но к медвежатине она ни разу так и не притронулась. Порфирий сам ее доставал из погреба, сам жарил и ставил на стол. А как-то вечером, уложив Стеньку спать, она подошла к мужу, положила руки на плечи, прильнула головой к широкой горячей груди и, взглянув снизу с мольбой ему в глаза, тихо попросила:

– Христом Богом тебя молю, Порфирушка, не корми Стеньку. Чует моя душа... Не корми.

Не ожидав такой просьбы и отпрянув от неожиданности назад, Порфирий затоптался на месте, молча махнул рукой и вышел во двор. На следующий день Марфа видела через окно, как Порфирий несколько раз спустился в погреб, доставая оттуда медвежатину, потом погрузил все мясо на телегу и куда-то увез. Куда – она никогда не спрашивала.

А еще через три месяца, в полнолуние под Рождество, все и началось. Сколько раз потом Порфирий проклинал себя самыми последними словами, сколько раз жалел, что не послушал людей и жену. Но было уже поздно.

В начале сентября медведица облюбовала на сухом южном склоне огромную сваленную буреломом лиственницу и стала углублять яму под ее вывернутыми корнями. Вместе с пестуном они натаскали туда сухой травы, надрали мха, оставляя вокруг логова огромные плешины, разровняли подстилку слоем по всему днищу берлоги.

Зимняя квартира была готова, но медведица не спешила укладывать в нее свое семейство. В эту пору золотой осени тайга хоть и была красива и еще тепла, но уже не слишком щедра. Грибы и ягоды, кроме самой поздней и неурожайной нынче брусники, отошли, птицы выводки давно поднялись на крыло, рыба скатилась на глубину и легла в ямы. Главная пища – побеги кустарников и деревьев тоже становились сухими и жесткими, выгоняли из себя, готовясь к зимним холодам, лишнюю влагу. А перед долгим сном неплохо было нагулять еще немного жира. Поэтому медведица, подготовив логово, чтобы не быть застигнутой врасплох внезапным морозом, решила попытать счастья в большой охоте. Для этого семейство спустилось пониже в долину, куда в тальниковые острова, тянувшиеся светлыми пятнами вдоль берегов речки, выходили в эту пору подкормиться лоси и дикие олени.

Через несколько ночей они увидели его. Олень неторопливо и уверенно двигался вдоль края поляны, которую густой стеной очерчивали стволы тальника, и, обрывая ветки, старательно их пережевывал. Это был самец с раскидистыми рогами, судя по всему, молодой и здоровый, что значительно уменьшало шансы на успешную охоту.

Тем не менее медведица, дав знак пестуну и малышу затаиться, зашла с подветренной стороны и стала скрадывать. До оленя оставалось уже совсем недалеко, когда он резко вскинул

голову, принюхался и несколько раз осторожно переступил на месте. Медведице оставалось только одно – мгновенно броситься на него, что она и сделала. Пролетев расстояние до оленя двумя огромными скачками, она тем не менее ударила лапой уже по пустому месту. Спасая жизнь, олень помчался вдоль тальника, он знал, что стоит свернуть в густой лес – и рога затормозят его бег, а то и вовсе запутаются в ветках. На открытом же пространстве медведице его не догнать, она скоро выдохнется и отстанет. И он мчался по дуге, огибая поляну и стараясь выскочить на узкую прогалину, уводящую к берегу.

Пестун послушно лежал за кустом, прижимая нетерпеливо дергающегося малыша лапой, и наблюдал за поединком. Закинув рога на спину и, кажется, ничего не видя перед собой, олень бежал прямо к ним. И тут Звереныша словно пронзило. Какая-то неведомая волна, вскипев внутри и ударив в разум и мышцы, заставила его забыть о долге пестуна, нарушить приказ медведицы и вымахнуть наперерез ускользящей добыче.

Олень, перед которым внезапно появился еще один медведь, с разгону зарылся копытами в землю и несколько раз бестолково подпрыгнул на месте. Медведице этого хватило – она навалилась на рогача сзади и одним ударом лапы перебила хребет. Звереныш в тот же миг подлетел к поверженной жертве спереди, вцепился в трепещущее горло и начал рвать его, забивая пасть шерстью. Прошло немало времени, прежде чем невесть откуда взявшаяся в нем свирепость перестала клокотать внутри, и он вдруг снова почувствовал себя пестуном. Отскочив в сторону, виновато сжался, ожидая наказания за нарушенный приказ, но медведица подошла к нему и впервые за все время несколько раз нежно лизнула в морду. Счастливо затрепетав от такой невиданной ласки, он облапил малыша и принялся кататься с ним по земле.

Через пару дней потяжелевшие звери вернулись к логову. Теперь медведица то и дело выводила их к речке: они должны были напитать себя таким количеством влаги, чтобы ее хватило на всю долгую зиму. Хозяйка семейства основательно готовилась к зимней спячке. И вот наступил день, когда она, загнав в берлогу пестуна и медвежонка, основательно запечатала изнутри лаз сухой осокой и, прижав детенышей к теплым бокам, мирно засопела.

Как все жители Лемара, его планетной системы и колоний, Он знал, что у него есть родители, более того, их голография с улыбающимися красивыми лицами постоянно стояла в его офисе, путешествовала с ним в космолете в другие галактики и системы, а на время отдыха перебиралась в квартиру или отель. Так было принято. Он до сих пор помнит, что на вопрос Главного воспитателя Единой школы – какие чувства должны испытывать дети к своим родителям? – они, тогда еще малыши, только-только переступившие порог всеобщего учебно-воспитательного центра, хором отвечали: «Гордость и уважение». Да, его родители, впрочем, как и все родители Лемара, выполняли какие-то очень важные задания и миссии правительства планеты, галактики, а то и межгалактического содружества. И они вполне заслуживали, чтобы ими гордились. Был и еще один вопрос, на который воспитанники должны были отвечать без запинки: какие чувства нельзя испытывать по отношению к своим родителям? В этом случае надо было громко скандировать «Правило трех главных “не”»: «Дети не должны думать о родителях ничего плохого; дети не должны скучать по родителям; дети не должны пытаться возвратиться к родителям». После этого Главный воспитатель не раз повторял:

– Ваши родители замечательные люди, они достойно довели вас в семье до возраста школы, но они не являются профессиональными воспитателями, и поэтому они передали вас в наши добрые, надежные и умелые руки, чтобы мы, настоящие мастера своей уникальной профессии, вырастили из вас достойных граждан Лемара, не совершив при этом ни единой педагогической ошибки. Поверьте, вашим родителям такое было бы не под силу. Но каждый из них – прекрасный мастер в своем единственном, самом важном деле, и вы должны ими...

– Гордиться! – подхватывал многоголосый детский хор.

Он, конечно, гордился своими родителями, но, несмотря на «Правило трех “не”», все же по ним скучал. Он не раз вспоминал свою семью здесь, в школе, где сотни детей его воз-

раста жили как единая, четко организованная система – ложились спать, просыпались и шли на занятия в одно и то же поминутно утвержденное время (чтобы у кого-то не развились лень, недисциплинированность или необязательность), носили одинаковую одежду и ели одинаковую еду (чтобы не проявились зависть, тяга к излишеству или высокомерие), участвовали в одинаковых состязаниях и развлечениях (чтобы не развивались эгоизм, индивидуализм и элитарность). Все это очень походило на фабрику маленьких биороботов, которые даже внешне почти ничем не отличались друг от друга.

В семье же все было не так, она была особенна и не похожа на другие семьи. Жила своей собственной отдельной жизнью, своими развлечениями и радостями, маленькими нарушениями общих правил. И еще. Родителей можно было потрогать. Прижаться к маме, зарыться носом в ее волосы и сладко-сладко вдохнуть их запах. Забраться на шею к отцу и scomандовать ему вот так подняться на любимую горку рядом с домом. Или вовсе поставить отца на четвереньки, сесть на спину и покататься, как катаются на динозаврах существа с планета Крон... Нет, воспитатели тоже были хорошими, даже замечательными людьми, но – дальними и общими. Вокруг них всегда стояло множество других детей, и воспитательская любовь и нежность дробились на такие мелкие части, что каждому из малышей доставалось лишь по крохотному кусочку.

Тем не менее эта система воспитания была признана на планете Лемар идеальной: раньше дети росли, жили и учились в семьях до совершеннолетия, но в результате множества педагогических ошибок, допускаемых неквалифицированными или не слишком ответственными родителями, процент лемарцев, не до конца соответствующих характеристикам идеального Гражданина, был слишком велик. И наступил момент, когда сообщество планеты больше не могло себе позволить такой расточительности. Последовала Великая воспитательная реформа. Всех детей после одного лемарского года, в течение которого малыши подрастали до уровня начальной школы, стали забирать из семей во вновь созданные школы-интернаты, куда собрали и лучших на планете педагогов. Родители после этого проходили специальную психологическую реабилитацию и могли создавать новые семьи. С детьми поступали еще проще – им стирали часть памяти и чувств, слишком ярко и прочно связывавших с родителями, оставляя лишь необходимый положительный минимум. Уже через десять лет реформа дала замечательные плоды – процент идеально воспитанных граждан резко увеличился.

Но, видимо, в случае с ним программа «зачистки» оставила чуть больше положенного, и потому он элементарно скучал. И даже один раз ночью потихоньку заплакал, что было уж совсем страшным нарушением. Хорошо, что никто из воспитателей и соседей по спальному боксу об этом не узнал. Иначе бы ему провели дополнительную чистку мозга, после которой голограмма родителей превратилась бы в чисто символическую картинку.

Звереныш проснулся от того, что где-то совсем рядом в темноте, то сливаясь в одно тоненькое, но требовательное повизгивание, то распадаясь на два отдельных голоса, настойчиво просили есть малыши. «Почему два?» – не понял Звереныш. Ведь у них остался только один, и тот сейчас тихонечко сопит за спиной, в самой глубине логова. Пытаясь разобраться, кто же издает загадочные звуки, Звереныш приподнялся на лапы и скользнул носом вдоль спины медведицы, вытягивая его в темноту. Но едва нос прикоснулся к пушистому теплому комочку, как Звереныш получил неожиданный удар огромной лапой прямо в морду и отлетел в угол берлоги. Взвизгнув несколько раз от боли и испуга, он боязливо затаился в темноте, но через какое-то время подал голос: это же я, свой... В ответ медведица рыкнула на него, как на чужака. А потом поднялась с подстилки, бережно отодвинув поскуливающие комочки в сторонку, сграбастала Звереныша, подтащила к отдушине, окаймленной сосульками, и резко вытолкнула наружу. По глазам резанул свет, подошвы неприятно заохлодели. Придя в себя и окончательно осознав, что все это происходит не во сне, он снова сунулся было в берлогу, но из лаза навстречу показалась оскаленная пасть. Звереныш не мог понять, что случилось, в чем

он провинился. А случилось то, что происходит в один из весенних дней со всеми его ровесниками: у медведицы появились новые детеныши, а прошлогодний малыш стал пестуном. Это означало, что место Звереныша в семье занято и он должен покинуть ее.

Разом лишенный тепла, защиты и уверенности, он медленно побрел по старой тропе к речке, вдоль которой тянулись темные забереги – знаки просыпающейся природы. Стараясь не наступать тонкокожими и нежными после сна лапами на острые сучки, привычно прихрамывая, он шел навстречу неизвестности. Но это был уже не маленький и беспомощный медвежонок, что выбрался прошлой весной из своей сиротской берлоги. По склону спускался к воде хоть и худой от долгой спячки, но уже достаточно крупный – нет, не Звереныш, а молодой Зверь.

То ли на него повлияла исковерканная в самом начале жизнь, то ли с отцовским проклятием это перешло, но рос Стенька вечно хмурым, молчаливым и скрытным. И такой характер в сочетании с косматыми сросшимися бровями, вечно падающими на покатый лоб волосами и взглядом исподлобья придавал всему его облику неприятную угрюмость. Пацаном Стенька был для своих лет рослым, широким в кости, но плечи его вечно были сведены вперед, словно он так и хотел ими от кого-то закрыться.

С годами угрюмость эта все чаще стала перерастать в озлобленность на окружающих, в том числе и делавших ему добро, на самых близких одноклассников, которые спали на соседних детдомовских кроватях, сидели рядом за партами и в столовой. А уж о разоренных птичьих гнездах и повешенных кошках говорить не приходилось – в подобных делах со Стенькой не мог соперничать никто. Тут он неожиданно оживлялся и мог подбить любого следом за ним или по его команде залезть на самое высокое дерево, на конек крыши только для того, чтобы сбросить сверху насиженные яйца или уже вылупившихся, но еще беспомощных птенцов и весело наблюдать, как вьются над ними осиротевшие птицы.

Как все пацаны того времени, они чаще всего играли в войну. И, конечно, каждый хотел быть красноармейцем или нашим «партизаном». Только Стенька, попробовав один раз, добровольно и сразу принимал роль «беляка» и тут же вызывался в командиры. Хотя пацанам было невдомек, но сам-то он прекрасно осознавал, что делал это исключительно из-за «допроса пленных». Когда рядовые «беляки» ловили кого-нибудь из них и приводили их к «командиру», тот, как и требовали условия игры, должен был попытаться выведать у «пленных» самую главную их тайну – где находится штаб «красных»? Неписанные правила позволяли немного их помучить, но до серьезного рукоприкладства дорываться было нельзя. Стенька же каждый раз с каким-то особым удовольствием переходил границу дозволенного, но, поскольку «красные» должны были держать себя перед врагом героически, мальчишки стойко терпели его издевательства и даже гордились, что «главный беляк» не смог выпытать у них военную тайну.

Однажды пойманным оказался один из первоклашек, прозванный за свой маленький рост и шуплость Воробьем. Когда «беляки», оставив его один на один с «командиром», бросились ловить остальных, Стеньке вдруг впервые стало не просто приятно от сознания того, чем сейчас займется. Он даже как-то сладострастно задрожал, предвкушая удовольствие. Стремясь растянуть его, неспешно привязал пацана к столбу у полуразвалившегося амбара, что чернел в самом дальнем углу детдомовского двора, выкрикнул для порядка несколько вопросов «про штаб». И начал щипать малыша и тыкать заранее приготовленной палкой в худые ребра. «Красноармеец» молчал, сжав губы, потом начал нервно хохотать, хотя на глаза его уже навернулись слезинки. А Стенька расходился все сильнее и сильнее, тычки переросли в удары по бокам и животу, а потом он отбросил палку и принялся бить кулаками. Испуганный пацан закричал, но Стенька уже не слышал этого. Ухватив трепещущую жертву за тонкую шею, он вдруг неожиданно для себя ощерил зубы и потянулся ими к бьющейся под пальцами жиле.

А дальше была мгновенная темнота, потом – боль в скуле и твердая земля под головой. Открыв глаза, Стенька увидел, как детдомовский физрук отвязывает от столба беззвучно всхлипывающего Воробья, лицо и шея которого вымазаны кровью.

Повернувшись к очухавшемуся Стеньке, физрук сжал побелевший кулак.

– Ты че, падла, делаешь? Я тебя, суку, в другой раз на месте убью!.. Упырь поганый!..

Упырь...

Это слово приросло к нему намертво, стало кличкой до конца детдомовских дней. И долго потом еще, уже не известная окружающим, она жила в его собственном мозгу.

И вот теперь снова. «Упырь поганый!..» Два слова, с трудом процеженные сквозь разбитые зубы, оказались для Хмурова неожиданной удара. Он даже отступил на шаг назад, вскинутая рука с металлическим прутом зависла в воздухе. словно электрическим разрядом пронзило насквозь: «Откуда он знает про упыря?!» А упавший человек, вернее, обтянутый кожей скелет, в который его превратили голод и издевательства, увидев, как среагировал надзиратель, усмехнувшись сквозь боль, добавил:

– Че, угадал? Проняло?!

Он лежал рядом с опрокинутой тачкой, из которой нехотя вытекал прямо на мостки жирный глинистый раствор. Эта глина, замаравшая сапоги только что лениво курившего надзирателя концлагеря, и стала причиной мгновенной вспышки его ярости и последовавших за ней побоев.

«Угадал...» – с облегчением повторил внутри себя Хмуров и, словно скинув ношу, заорал уже вслух:

– Я тебе покажу, дохлятина!

Прут просвистел в воздухе, и конец его пришелся прямо в середину бритой головы. Череп хрустнул, словно переспевший арбуз. Человек уткнулся лицом в грязь и только несколько раз слабо дернул ногами.

Найдя взглядом двух стоящих поодаль «похоронников», надзиратель махнул им рукой:

– Быстро сюда! Оттащите эту падаль в яму!

Зацепив убитого специальными крючьями, «похоронники» потянули его волоком к чернеющему вдалеке рву.

Степан вытащил из кармана шинели дешевый немецкий портсигар со свастикой на верхней крышке, достал папиросу и продолжил прерванный перекур. Пальцы его, сжимающие мундштук, мелко подрагивали. Нет, он волновался не от того, что несколько мгновений назад убил человека: он отправлял этих доходяг на тот свет почти каждый день – то не желающих или не могущих выполнять работу, то попавших под горячую руку, то просто на пари с надзирателями или офицерами. Задели его слова заключенного.

«Ишь, зоркий какой!.. Упырь!.. А ведь и впрямь почти угадал, падла... Ничо, теперь уже никому не расскажет... Упырь... да не упырь, хер тебе, бери рангом повыше...»

Жадно затягиваясь кисловатым дымом, что-то бормоча про себя, он принялся, прихрамывая, ходить взад-вперед по мосткам, заставляя заключенных с тачками боязливо сворачивать в грязь и стороной объезжать обозленного надзирателя, известного свирепостью во всем лагере.

Теперь-то он знал о себе почти все, и чем больше узнавал, тем меньше ему хотелось, чтобы эта тайна стала еще чьим-то достоянием.

Несколько лет назад, перед самой войной, он впервые точно понял, какое наследство получил от отца. И тогда стали понятны и так поразившие его в детстве припадки родителя, и его таинственная смерть, и слезы матери.

Произошло то, что неминуемо должно было произойти, что все детство и юность вызрело в нем. Случилось это вскоре после несчастного случая. Из детдома ему дали направление в лесопильный цех – учеником. Но проработал он там всего с неделю: лопнул трос лебедки,

и бревно, которое он принимал на тележку пилорамы, приземлилось на правую ногу, упирающуюся в рельс. Несколько месяцев провалялся он в больнице, разбитые и вывернутые пальцы срослись, но вышел Степан с костылем и книжкой инвалида труда.

Входя в приемную директора лесокомбината, он невольно бросил взгляд в большое, от самого пола зеркало – в одну из примет только-только нарождающейся чиновничьей роскоши – и невольно вздрогнул: навстречу ему двигался... отец. Такой же высокий, широкоплечий, такой же угрюмый и такой же... хромой.

Да, недаром живет поговорка, которую вскоре он и сам вспомнил: «Бог шельму метит...» Вот и тут, может, не в силах одолеть растущую как на дрожжах изнутри черноту души, сама природа все же попыталась предупредить ее и хотя бы отметить заранее знаком физической ущербности. Или, может быть, перенесенные потрясения и боль спустили какую-то еле державшуюся в нем пружину?..

Начальник сочувственно пожал руку, усадил на стул и начал понимающе:

– Оно, конечно, такому детине на одно инвалидское пособие не прокормиться... Но и на нормальную работу тебя брать нельзя... Вот что, у нас на дровяном складе старик-сторож помер. Это за городом. Если не боишься на отшибе...

– А чего бояться-то...

– Тогда иди к кадровику, пусть оформляет. И общежития тебе не надо, будешь прямо в сторожке жить, сам себе хозяин... А пойдут дела с ногой на поправку – куда-нибудь в цеха переведем.

Степан назавтра же перебрался в сторожку, получив в наследство весь нехитрый скарб одинокого старика и берданку с десятком патронов.

А еще через пару месяцев, когда он стал ходить, хоть и припадая на правую ногу, но без костыля, когда пришли первые темные ночи, все и проявилось.

С вечера, обходя с проверкой закоулки немалого складского двора с чернеющими тут и там штабелями дров, он обратил внимание на луну: была она не просто полной, а как будто даже еще и надутой, огромной, какого-то красноватого цвета. И вроде бы для него это было, наоборот, хорошо – светло, все видно, вор никакой не ползет, – а вот защемило вдруг внутри, словно кто душу в кулак сграбастал и давить начал.

А как дело к полночи подошло – совсем немоготу стало. Пошедший по телу легкий озноб постепенно перешел в настоящую трясучку. Голова стала раскалываться от боли, а пересохшее горло прямо пылало. Несколько кружек холодной воды, которые он опрокидывал в себя раз за разом, ничего не изменили, наоборот, жар разлился по всей груди. Степан со страхом почувствовал, как начинают опухать и гореть не только руки и ноги, но и лицо, а язык, неимоверно распухая, заполняет весь рот. Он испуганно заметался по сторожке, срывая разом ставшую тесной одежду и обувь. Спасаясь от жара, выскочил во двор, забегал по нему и, уже не контролируя себя, бросился к забору, отделявшему склад от леса. Ударами кулаков и ног, не чувствуя боли, выломил две доски и нырнул в проем. Он бежал без дороги по летнему, залитому лунной лесу, наклоняясь все ниже и ниже, чувствуя, как удлиняется, вытягивается его лицо, наливается весом все тело, но одновременно прибывает и неимоверная сила, позволяющая так легко его нести.

Какая-то вспышка в мозгу, мгновенное исчезновение всех страхов, болей и сумятицы человеческих мыслей. И он уже мчится на четвереньках, нет, не на четвереньках, а на четырех мощных лапах, кажущихся голубыми в лунном свете. И лишь одна жажда продолжает мучить его – но теперь он нестерпимо хочет не обычной холодной воды, а той – теплой, красной, пахучей жидкости, которая бывает внутри добычи. Где эта добыча, где?! Да вот же она, сама спешит навстречу с глупым тьявканьем. И слишком поздно понимает, кто перед ней. Поджимает хвост, бросается назад, но он достает ее одним прыжком. Бьет лапой, перекусывает горло и пьет, пьет...

Проснулся Степан перед самым рассветом. Открыл глаза – и тут же с омерзением вскинул лицо, которое почти упиралось в какую-то окровавленную шкуру. Вскочил на ноги, испуганно огляделся. Он знал эту поляну, что была в полуверсте от склада, – ходил на нее за березовым соком. Но как он попал сюда сейчас, в такое время? Откуда перед ним эта растерзанная собака?.. Оттирая испарину со лба, он машинально скользнул рукой по лицу и почувствовал что-то запекшееся, засохшее на губах и усах, глянул на ладонь – красное. «Кровь?.. Кровь!..» И, внезапно вспомнив вчерашний припадок, вдруг соединил все воедино. Сжал голову руками, рухнул на молодую траву и принялся бессильно кататься по ней, колотя кулаками по земле.

Вернувшись на склад, он первым делом забил дыру в заборе, а потом долго и тщательно мыл руки и лицо. Вечера он ждал с ужасом, но ничего больше не произошло.

Высшая школа Лемара, которую он заканчивал в этом году, конечно же, кардинально отличалась от начальной. Цель начальной заключалась в том, чтобы, постепенно и накрепко вбив в мозги своих подрастающих подопечных полный кодекс морально-нравственных правил и законодательных норм, воспитатели приучили их во всех случаях жизни оставаться законопослушными, честными, порядочными, ответственными и в то же время чуткими, внимательными и отзывчивыми существами – идеальными гражданами родной планеты и всего межгалактического содружества. Конечно, вместе с этими качествами, как в любой школе, они освоили огромный пласт знаний и технологий, присущих гуманоидам восьмой ступени развития. Но не зря сами же воспитатели в шутку называли свою начальную школу фабрикой биороботов: их ученики были похожи друг на друга, как цветы одного растения – привлекательные, располагающие, тянущие свои лепестки только к свету, – и, увы, одинаковые! Одинаковые во всем...

Такая одинаковость, понятное дело, была совсем не нужна огромной, очень разноцелевой и разноликой космической системе. Поэтому Высшая школа Лемара, которая существовала и до Великой реформы, ставила другую задачу – на базе практически состоявшегося идеального гражданина, воспитанного начальной школой, создать индивидуальную личность, развив творческие задатки и генетические предпосылки к тому или иному виду деятельности. Каждый юниор или юниорка (так принято было называть учащихся высшей школы) проходил глубокое тестирование на генном уровне и в соответствии с заключениями аналитической системы получал рекомендации на дальнейшее обучение. У кого-то был только один вариант, у кого-то несколько, на выбор, но в любом случае выходить за пределы этого вердикта юниор не имел права. Такой подход тоже признали единственно правильным. Да и на самом деле, зачем учить кого-то на космического навигатора, если у него задатки биокибернетика? Тратить немалые педагогические и энергетические ресурсы, чтобы потом получить посредственного специалиста?

Тестирование показало, что ему лучше всего заняться изучением биосистем, хотя, понятное дело, внутри этой науки существовало великое множество направлений. Он остановился на изучении существ негуманоидного типа, сосуществующих с гуманоидами в десятке соседних галактик. Проблема была и интересной, и актуальной: колонизируя все более удаленные звездные системы вместе со своими собратьями по разуму и развитию, лемарцы оказывались на новых планетах и сталкивались каждый раз с новыми существами, которых иногда иначе как дикими назвать было нельзя, но они подчас были единственными хозяевами и аборигенами новых миров. А миры эти были богаты необходимыми лемарцам ресурсами или очень интересны необычными биоценозами, редкостными эндемиками, эволюционными процессами. И тогда – хочешь-не хочешь – приходилось срочно изучать доминирующих аборигенов, чтобы сосуществовать рядом с ними в своих целях.

Последний год учебы он провел в сплошных экспедициях подобного рода, перескакивая с одной планеты на другую и пытаясь увидеть и изучить как можно больше перед главным своим назначением. Потом был первый лемарский год работы в галактике М-11 звездной

системы Q-12 на недавно открытой планете-океане U-27, где хозяйничали разумные рыбы, создавшие собственную государственную систему. Жгучий интерес к этим очень необычным, но, как показало время, довольно примитивным и недалеким существам перерос в долгие месяцы болтанки в плавучем модуле и неистребимое желание поскорее собрать всю необходимую информацию, осуществить положенные контакты с говорящими рыбами и ступить на родную твердь Лемара.

И вот тут-то он попал на глаза, а точнее, в компьютерную систему Службы создания семей, поскольку достиг совершеннолетия. Уже на второй или третий день в его холостяцкий модуль без приглашения и предварительного запроса телепортировался один из сотрудников этой службы и заявил, что в соответствии с Законом о семье вопрос о его женитьбе решен и ему подобрана идеальная генетическая партнерша. Какие-либо возражения в подобных случаях не принимались.

На следующий день поздно вечером появилась Она. Расстегнула дорожный скафандр и выпорхнула из него в облегающем комбинезоне небесного фиолетового цвета, который выигривно облегал идеальное тело. Электронные сваты и впрямь угадали даже внешние его предпочтения – у нее были золотистые длинные волосы и редкого голубого цвета глаза. Она протянула ему руку, улыбнулась, словно давнему и доброму знакомому, вежливо отказалась от предложенного ужина – «Так поздно я не ем. Вредно для фигуры» – и прошла в спальный модуль. Когда он, чуть помешкав, вошел следом, она уже лежала на ложе, накрывшись полупрозрачной простыней.

Он выключил освещение и постарался вспомнить все, чему учили в Высшей школе на курсе практической сексологии. Он просто обязан был в этот первый их вечер сделать максимум приятного для партнерши. Судя по всему, она тоже изучила этот курс на высший балл и действительно идеально подходила ему во всех смыслах.

Кажется, это было совсем недавно: осевшие весенние сугробы, сиротливо и неприкаянно бредущий по ним пестун, изгнанный медведицей из берлоги... Но сколько уже раз лето сменило зиму? Может, десять, а может, пятнадцать? Зверь не умел считать и не знал этого, но чувствовал – немало. Он взматерел, потяжелел, шкура его из рыжеватой превратилась в темно-бурую и уже несла на себе отметины и медвежьих свадеб, и лосиных рогов, и разных других превратностей судьбы. Он многому научился и многое узнал, но каждый весенний выход из берлоги был как бы новым рождением – явлением из лона матери-природы, которая заботливо и бережно хранила его в своем чреве все самое трудное время года. И каждую весну как бы заново всплывали в памяти, прокручивались в лобастой голове главные события, отмеченные звериным счастьем, а чаще – болью, цепочка которых и определяла для него череду прожитых лет.

В первые годы, помня о своем раннем сиротстве и изуродованной ноге, так и оставляющей до сих пор отличный от всех, вывернутый почти поперек след, он панически боялся людей и торопливо уходил от самого дальнего запаха и звука. Но потом несколько раз случайно столкнулся с ними в ягодниках и по тому, как люди с криками бежали в противоположную сторону, понял, что они тоже почему-то его боятся. Может быть, в них или в нем что-то изменилось? Решив проверить, он снова и снова выходил на людей, и каждый раз те проворно исчезали, оставляя и рассыпая из своих странных чаш ягоды. Осмелев, он стал по-хозяйски загребать эти брошенные ягоды в пасть, а потом даже бить и давить громко хрустевшие и звеневшие чаши.

Но однажды, когда все остальные люди бросились прочь, один из них вдруг выхватил из-за спины какую-то короткую черную палку и направил в его сторону. Блеснул огонь, воздух потряс неведомо откуда взявшийся гром, и словно огромный рой ос разом вонзился в бок Зверя, заставив его от боли и испуга кувыркнуться через голову и мгновенно опорожнить весь кишечник. Ничего не видя, он проломился через чашу и с разгону, пытаясь остудить горящую

боковину, плюхнулся в речку. Едва сознание заработало, в нем мгновенно всплыли раскаты грома над берлогой, сотрясающаяся от боли медведица, разбитая лапа...

Благодаря дальней дистанции и толстому слою жира заряд дроби не добрался тогда до внутренностей, но память оставил хорошую. А следующей осенью, охотясь на уток в камышах и, видимо, излишне увлекшись, он снова неожиданно для себя оказался в опасной близости с человеком, сидевшим в укрытии из веток тальника. И вновь черная палка ударила огнем и громом, и опять пронзило тот же самый бок. Благополучно отлежавшись и на этот раз, он стал не то чтобы бояться людей, но относиться к ним осмотрительней. А главное, понял, что вся сила человека заключается в той самой короткой черной палке: нет ее – человек убегает или осторожно отступает, есть – мгновенно причиняет боль. Поэтому, прежде чем приблизиться к нему самому или его владениям, надо внимательно приглядеться.

А приближаться к этим владениям иногда приходилось, особенно в голодное время, когда только там и можно было найти какую-нибудь пищу.

Еще чуть позже он узнал, что человек опасен не одной громыхающей палкой. Тогда он только-только вошел в силу и впервые, победив во время гона трех самцов, претендовавших, кроме него, на медведицу, познал сладкий вкус любви. Вдоволь натешась ласками, они направились по набитой тропе к озеру, чтобы утолить жажду. Самка шла первой, а он внимательно опекал ее сзади. Легко перескочив через толстое дерево, лежащее поперек дороги, она вдруг взревела от боли. Зверь метнулся в сторону, подскочил к ней сбоку. Обе передние лапы, на которые самка приземлилась после прыжка, были пронзены насквозь блестящими толстыми иглами, и от них исходил едва слышный человеческий запах. Пытаясь освободиться, самка подтянула поближе одну из задних лап, оперлась, оттолкнулась и снова взревела – иглы прошли и сквозь нее. Обезумев от боли, она через миг, уже ничего не осознавая, так же поступила с последней лапой.

Намертво пришипленная к злодейской ловушке, сбитой из толстых плах, утыканных огромными гвоздями, медведица лишь качалась из стороны в сторону, закатив глаза, и ревела, ревела.

Он пытался подойти к ней и как-то помочь, но везде наткнулся на страшные иглы, которыми ежилась вся площадка за упавшим деревом. А вдаль уже звучали твякующие голоса нескольких хвостатых существ, живущих с человеком.

Отбежав к озеру, он услышал, как несколько раз прогремел гром и тут же оборвался рев медведицы.

С подружками ему вообще не везло. Другая, за которую он сполна расплатился несколькими рваными ранами от когтей, оставленными соперниками на спине, и едва не откушенным концом уха, тоже была с ним совсем недолго. Стремясь найти для создания потомства местечко поукромней, они поднялись вверх по глухому распадку и в самом конце его вдруг набрали на небольшое человеческое жилище. Зверь уже встречал такие и знал, что в это время года хозяева в них не бывают, они появляются поздно осенью, вместе со снегом. Но случается, что в самом жилище, на его крыше или где-то рядом на деревьях остаются запасы еды, которыми можно поживиться. Вот и сейчас вход в человеческое жилище был открыт, и оттуда шел какой-то соблазнительный запах. Вдвоем было не войти, и Зверь пропустил подругу вперед. Она вошла, поводила носом, подалась вверх, что-то ухватила зубами, потянула. И он едва успел отпрянуть назад. Грохоча и поднимая пыль, жилище мгновенно превратилось в кучу бревен, наваленных друг на друга, под самым низом которых бессильно хрипела самка. Человек оказался хитрее их и на этот раз!.. Сообразив, что произошло, Зверь начал раскатывать бревна, подцепляя когтями, и в конце концов добрался до нее. Медведица лежала на животе, неловко подвернув лапы, открытую пасть ее окутывала красная пена. Она попыталась оторвать от земли морду, но только жалобно простонала и снова закрыла глаза.

Надеясь, что медведица все-таки поднимется, он пролежал рядом с ней целый день, нежно облизывая подрагивающую голову. А потом ветерок снова донес далекое тьяканье.

После этого печального дня, встречая пустующее жилище в лесу, он больше не спешил в него входить, а несколько раз бил лапой по стенам. И случалось, они тут же рушились. Человек был умным, но он не мог дважды обмануть Зверя одним и тем же способом.

Да, люди, погода и даже добыча – все из года в год учили его, делая сильнее, хитрее и опытней.

В молодости он еще пытался добыть угоном лосенка или старого оленя, но потом быстро понял, что с его хромой лапой это почти безнадежный способ охоты. И тогда стал пытаться брать жертву одним-двумя прыжками, поджидая в засаде. Но тут мешал крепкий медвежий запах, и попытки удавались только тогда, когда дул сильный ветер, относящий его.

Однажды летом, чтобы хоть на какое-то время избавиться от жары и докучавших комаров, он, перед тем как залечь в засаду, долго, до озноба плескался в улове ледяной горной речки, а потом, не отряхиваясь, лег за выворотень у тропы. Было полное безветрие, и когда Зверь услышал вдалеке легкий стук оленьих копыт, то понял, что олень, скорее всего, сейчас его учует и свернет в сторону. Но рогач, хоть и останавливаясь через каждые несколько шагов, вытягивая шею и раздувая ноздри, все же шел и шел вперед, пока не оказался напротив выворотня. Зверь взметнулся в воздух и первым же ударом перебил хребет парализованной от неожиданности жертве. Насытившись и разомлев в тени, он долго не мог сообразить, почему же олень его не учуял. Наконец что-то будто подтолкнуло его не слишком разумные мозги: вода!.. Да, та самая вода, что смывает в дождь запах с камней, деревьев и троп, смыла на этот раз запах с него, не зря же он так долго полоскался в речке. А это значит...

С той поры он приловчился добывать даже чутких горных баранов. Зная, что те выходят на солонцы поздним утром, – любят, чтобы солнце уже слегка просушило и прогрело склоны, – он к этому времени вымачивал себя насквозь и ложился за какой-нибудь большой камень, свернувшись клубком. Главное при этом было не пошевелиться в момент, когда баран-разведчик с одной из верхних точек долго и внимательно обзирает все окрестные склоны. Вообще бараны всегда больше надеются на зрение, нюх у них слабый. И если уж не заметили сразу опасность и направились к солонцу, то к мокрому медведю могут подойти на несколько шагов.

Вода случайно подсказала ему и еще один добычливый способ охоты. Как-то раз в сильный дождь, не успев вовремя найти от него укрытия под хорошей елью или сосной, Зверь брел по молодому редколесью – мокрый, грязный до самого брюха, голодный и, конечно, злой. От этого зла и саданул он лапой по подвернувшейся на пути листвяшке. И вдруг сверху, как кедровые переспелые шишки, посыпались молодые рябчики. Едва вставшие на крыло, они тоже были мокры насквозь, и жалкие, слипшиеся в сосульки перья не могли удержать их в воздухе. Он тут же ухватил зубами и прихлопнул когтями несколько трепещущих комочков. С той поры в самые проливные ливни, когда все живое пряталось в гнезда, под ветки, в норы и логова, он выходил в лес и, промокший насквозь, но полный азарта и предвкушения добычи, бил здоровой лапой по молодым деревьям, обрушивая на себя целые водопады, но вместе с ними иногда птицу или оцепеневшего от холода и сырости зверька.

Но познал он и другое: вода не всегда может быть союзником. Ведь это она пригнала его нынче сюда – в район нескольких вытянутых горных гряд – из мест, где было намного больше корма. Было. До прошлой осени.

Небывалый зной летом выжег все склоны, и урожай травы, ягод и орехов оказался только в самых низинах, в долинах речек и озер. Туда и спустились за ним по осени птицы и звери. Первые морозы объявили о себе рано и внезапно, быстро покрывая все вокруг снегом. Застигнутая врасплох, но уже успевшая неплохо подкормиться живность начала спешно готовиться к зиме. Зверь видел, как многие молодые медведи роют себе берлоги прямо возле ягодников и торопливо ложатся в них, так же поступают бурндуки и мыши. Но какое-то непонятное

чувство подсказывало ему, что лучше все же подняться повыше в горы и залечь поблизости от привычных мест. Зверь так и сделал, протянув через долину и склон одинокую на чистом белом покрове цепочку следов.

Проснулся он от духоты в берлоге. Высунулся наружу и вначале решил, что уже наступила весна: солнце буквально опаляло сопки, сгоняя вниз ручьями почти исчезнувший снег. Но Зверь тут же почувствовал, что для настоящей весны прошло слишком мало времени, он еще тяжел и сыт, лапы грубы и подвижны...

А долина внизу быстро заполнялась водой, и из залитых ею берлог, нор и норок вылезали их мокрые обитатели и брели, плыли, скакали к склонам, где ожидали найти спасение. Но как только солнце закатилось, вместе с темнотой тут же наплыли тяжелые тучи и повалил мокрый снег.

Зверь видел сквозь густые сумерки, как совсем недалеко от его логова два молодых медведя, пытаясь как-то осушить шкуры, принялись кататься по этому предательскому снегу, но он не впитывал влагу, а только налипал на несчастных, превращая их в огромные живые грязно-белые комья.

Ночью ударил мороз и за считанные часы покрыл всю долину ледяной коркой, схороня под ней убежища и корм. Не пощадил холод и покрытых сырой снежной кашей медведей, других обитателей гиблого места. Засыпая в своей берлоге, Зверь знал, что весной он, конечно, сумеет какое-то время прокормиться их вытаявшими трупами, но потом наступит голод и неурожай. Значит, надо будет уходить в сторону тех, темнеющих далеко-далеко на восходе гор.

Она и впрямь оказалась идеальным партнером, прекрасным собеседником, чуткой и отзывчивой личностью, и он быстро и сильно к ней привязался. Он даже скучал по ней, конечно, не так, как когда-то по родителям, но скучал. И в научном модуле его теперь светло и немного щемяще постоянно мерцали две голограммы – родителей и ее. Отработав положенное время на очередной неведомой планетке, досыта наобщавшись с туповатыми заторможенными динозаврами или агрессивными звероподами, он летел домой на предельной скорости. Но она его тоже баловала – время от времени вдруг среди ночи телепортировалась в его модуль, затерянный в чужих мирах, и падала в объятия. Мужу и жене такое разрешалось.

Нравилась ему и ее работа – дизайн и организация пространств. Если удавалось урвать свободный часок, он прилетал к ней и, усевшись в удобное кресло для релаксации, потихоньку наблюдал, как она на его глазах изменяет исковерканные природными катаклизмами континенты, изуродованные войнами диких существ планеты или изначально непригодные для нормального сосуществования радиоактивные скалы и агрессивные льды, хищные пустыни, ядовитые моря, а то и целые звездные системы, создавая вместо них прекрасные ландшафты, рожденные ее воображением и фантазией. Он мысленно представлял, как будут благодарны ей те существа, гуманоиды и даже не гуманоиды, что поселятся в таких райских кущах. И он гордился ею.

Через три месяца, как и полагалось по всем лемарским законам, у них появился ребенок – крохотная дочурка, наполнившая их жизнь каким-то особым, дополнительным смыслом, сделавшая его и ее еще ближе. Едва оказавшись дома, сбросив скафандр и пройдя дезактивацию, он подходил к ее кровати и, аккуратно подведя руки под спинку дочери, брал ее на руки. Глядя на них в такие минуты, она, как ему казалось, вдруг начинала излучать особый невидимый свет, генерировать давно забытые на Лемаре, но живущие рудиментами где-то в глубине ее и его чувства, не совсем похожие на партнерство. А с дочкой он и вообще ощущал близость и родство на каком-то биологическом уровне, чувствовал, как исходящие из его ладоней родительские волны сплетаются с биотоками этого крошечного существа, заставляя его не совсем еще осознанно, но так счастливо улыбаться...

Время летело стремительно, ответственных заданий и поставленных задач на его плечах всегда лежало предостаточно. То это были полгода взаимопонимания и полного информацион-

ного доверия с гигантскими пещерными черепахами на F-112, то три недели настоящей безрезультатной войны со злыми и бестолковыми вольфрамовыми носорогами из системы DC-446, то бесконечная возня с этими непонятными и тягучими силиконовыми пауками с самого края Девятой галактики... Она в это время перестраивала свои неудачные и испорченные миры, а дочка незаметно подрастала, превратившись из сладкой малышки в красивую говорящую куколку, а потом и вовсе в забавного, веселого и очень любопытного человечка, собравшего в себе, казалось, все лучшие родительские качества. Впрочем, на это и была сориентирована ее генетическая программа.

То счастливо окунаясь в семейный оазис, то мчась куда-то на край света, он внезапно остановился только через год, когда вдруг осознал: завтра для них троих наступает день X, последний день совместной жизни, красиво названный идеологами Великой реформы «Праздником школы и новой семьи». Наверное, его все же недостаточно хорошо подвергли специальной обработке тогда, в детстве, поэтому он просто не хотел такого праздника. Не хотел потерять ни ее, ни дочку.

Сжимая ее ночью в своих объятиях и понимая, что делает это в последний раз, он не мог не спросить:

– А ты хочешь расстаться со мной и дочкой?

– Конечно нет, – ответила она не сразу, видимо, думая о том же самом. – Мне было очень хорошо с тобой... И очень хорошо с вами обоими... Но это закон, и мы должны его выполнять... Мы прожили вместе прекрасный год и дали обществу свое лучшее продолжение... Так делают все... – Она вздохнула еще раз и прижалась щекой к его груди.

– А я не хочу так делать!

– Это не зависит от нас, милый... Да и, в конце концов, будем честными – какие мы с тобой воспитатели! То мотаемся по всей Вселенной и таскаем ее за собой неизвестно куда, то неделями оставляем с кибернянькой и мучаем ожиданиями. Наша жизнь просто не оставляет времени для полноценного воспитания детей, и государство поступает по-своему мудро... Хоть, наверное, и немного жестоко...

– Но я не хочу вот так, в один день, просто взять и потерять вас навсегда! Понимаешь, не хочу!..

– Я тебя буду помнить всегда, ведь ты же был моим первым мужем. Очень хорошим мужем и замечательным партнером. И я, и дочка не забудем тебя...

– До тех пор, пока вам не прочистят мозги. – Он с грустной иронией усмехнулся в темноте и чуть отстранился от нее.

– Только давай не будем портить дочке завтрашний праздник, она так готовилась к нему. Она у нас такая славная...

– И ничего пока не понимает, а потом уже и не поймет... Хотя я понял. Я никогда тебе этого не говорил, но я... я плакал в школе по ночам, вспоминая родителей...

– Не надо, милый. Не надо... У нас осталось не так много времени. Не будем тратить его на терзания... – Она прильнула к нему и стала легонько гладить по груди и шее, пытаясь успокоить.

В соседней комнате мирно сопела носиком дочь и, наверное, по своей привычке, счастливо улыбалась во сне. Ей, конечно, снилась долгожданная школа.

Утренний детский праздник превратился для него в медленную бесконечную пытку, и он с трудом дождался его окончания.

Назавтра пытка продолжилась: надо было снова лететь в школу на Праздник чествования родителей, слушать на этот раз дежурные славословия воспитателей в свой адрес и благодарные речи детей, которые им уже успели подготовить педагоги.

Она подошла заметно позже – по дороге срочно вызвали в Службу семьи, оформить какие-то формальности. И вот теперь сидела рядом с ним и искренне радовалась, что успела к

выступлению дочки. Но ему почему-то показалось, что от нее шла какая-то волна холода, что-то в ней изменилось. «Неужели?.. Неужели она уже побывала у психологов?..»

Видимо, так оно и случилось. Когда они вышли из школы, она довольно обыденно, почти без смущения произнесла:

– Можешь поздравить: мне только что подобрали идеального партнера. Из Седьмой галактики. Редкое совпадение абсолютно всех параметров. Завтра я улетаю к нему. – Она отступила на шаг, пожала ему по-дружески руку и почти официально произнесла: – Спасибо за плодотворное и насыщенное партнерство. – Но потом голос ее чуть дрогнул: – Удачной тебе... семьи... Я забыла не все... – Резко повернулась и пошла.

Дома он готов был лезть на стенку, хотя в Центре психологической реабилитации потратили на незадачливого пациента тройную норму времени и массу усилий. Видимо, действительно у него остался не до конца трансформированным в начальной школе центр эмоциональной памяти. Либо по невнимательности генетиков случайно передался по наследству и прочно закрепился какой-то рудимент далекого прошлого. И как психологи ни старались «выковырять» его из мозга на этот раз, снова ничего не получилось. Ничего не поделаешь, запущенные с детства болезни одолеть не просто даже самыми современными методами...

И он метался, как саблезубый лайн в клетке. А тут еще заявился бесцеремонный тип из Службы создания семей и с наглой улыбкой поздравил его с удачным подбором новой партнерши.

– Только не сегодня. – С трудом себя сдерживая, он вежливо попросил незваного визитера: – Дайте мне возможность немного прийти в себя.

– Хорошо, – согласился тип, – мы учтем просьбу, но не надо преувеличивать уровень вашего стресса. У нас на этот счет большая практика. Вы ведь прошли психологическую реабилитацию...

Не дав гостю договорить, он проводил его к выходу. Заставил себя сесть в кресло и включить снимающий напряжение релаксирующий канал. Попытался прикрыть глаза, но тут же перед ними вынырнуло счастливое в своем неведении лицо дочки, а потом и жены.

И в этот момент откуда-то из космических небес возникла она – короткие черные волосы, банальные зеленые глаза, хорошо тренированное сексапильное тело, обтянутое слишком короткой туникой.

– Я сегодня никого не жду, – хмуро отреагировал он вместо приветствия.

– А я появилась! – Она улыбнулась, но улыбка эта показалась ему какой-то неприятной.

– Прошу тебя, уйди. – Он старался себя сдерживать.

– Это ты так свою будущую жену встречаешь? Могу и обидеться на весь наш год. – Она попыталась пошутить.

– Уйди... Не сегодня...

– А может, тебе помочь с реабилитацией, дорогой? – Она игриво протянула вперед руки и пошла к нему, покачивая бедрами.

И тогда он потерял контроль – вскочил со своего кресла, схватил ее за руку, злобно прокричал прямо в лицо что-то оскорбительное и грубо вышвырнул из дома.

Такого обращения с гуманоидом, а тем более с женщиной, на Лемаре не помнили уже многие столетия.

Через месяц все повторилось: зловещее пятно луны, огонь в горле, судороги, исцарапанные руки, на глазах раздувающиеся в косматые лапы, бег по пригородному лесу, теплая собачья кровь...

Хозяева, потерявшие несколько жучек, поначалу грешили на волков. К холодам по окраине города даже начала гулять неизвестно откуда взявшаяся история о черной собаке, якобы убежавшей пару лет назад с волком и теперь по ночам заманивающей своих бывших собратьев в лес, где их поджидает стая. Да и как иначе было объяснить, что собаки, бегающие в ближние

колки подкормиться случайным зайчонком или зазевавшимся барсуком в это не слишком-то сытое время, попадали в лапы хищникам, которых обычно чуяли за полверсты...

Но как только выпал снег, возле очередной истерзанной шавки обнаружили огромные отпечатки медвежьих лап. Старожилы удивлялись: сроду такого не бывало, чтобы медведь, да еще все лето, когда у него другой еды хватает, ловил собак возле самого жилья. Сразу решили – либо больной, либо увечный, а значит, в берлогу не ляжет, будет колобродить в округе, пока не успокоит его чья-то пуля или морозы. Непонятным оставалось по-прежнему одно: как это собаки вовремя от него не удирали?

Над этим, кстати, задумывался несколько раз и сам хромой сторож: отчего именно собаки попадают ему в лапы и почему так поздно понимают, с кем встретились. И однажды его мозг обожгла отгадка: видно, от него не исходит обычный запах зверя, а может, и вообще, даже в лохматой шкуре, пахнет он человеком...

Разговоры о неизвестно откуда объявившемся звере, конечно, дошли и до Степана. Некоторые мужики, жившие поблизости, даже советовали поостеречься, мол, почти пацан, один в своей сторожке на отшибе, а вдруг шатун нагрянет.

– Ничо, у меня бердана есть. Встречу, – ухмылялся для вида Степан, а сам, конечно, в начале каждого такого разговора холодел: не случайно ли с ним речь заводят?

Надо сказать, что последние обращения в зверя уже не вызывали в нем прежнего отвращения и страха. Он стал постепенно привыкать к ним, как к чему-то определенному помимо его воли, с чем он не мог бороться и чему вынужден был покорно подчиняться. Даже более того, где-то в глубине души, может быть, не сознавая пока даже самому себе, он начал получать пусть вспыхивающее на краткие минуты, но удовольствие. Да, удовольствие от огромной физической силы и превосходства над всеми, от стремительного бега по лунным полянам, от ужаса, который неминуемо должен был пронзить каждого увидевшего его. Менее мучительным и более коротким стал сам процесс обращения. К тому же Степан теперь хорошо знал, что за несколькими минутами страданий последуют радость исчезновения всех душевных и физических болей и эта ни с чем не сравнимая всесильность и свобода, возможность разом выплеснуть всегда живущую в нем и тяжелеющую день ото дня злобу на мир.

Но зима и снег... Он не боялся, что, превращаясь из зверя обратно в человека, однажды просто замерзнет в утреннем лесу на какой-нибудь дальней поляне. Нет, тело его после этого еще долго не чувствовало холода, и он мог всегда вернуться домой разутым и почти голым. Но Степан понимал, что однажды звериный след, переходящий в отпечатки босых человеческих ног, может привести преследователей к сторожке. Конечно, приняв нормальный облик, он поскорее пытался выйти на натоптанную тропу или дорогу, где не оставалось следов, но так возрастал риск встретиться с каким-нибудь ранним путником.

Пытаясь найти выход, он и вспомнил тот, так запавший в память случай с отцом, когда мать торопливо прятала «заболевшего» в тайной яме амбара.

«Погреб... Надо выкопать в сторожке погреб... А если спросят: зачем? Скажу, картошку хранить. Не ходить же каждый день в такую даль, на рынок. Да еще с моей ногой...»

Под одобрительное подшучивание кладовщиков и возчиков – мол, решил парнюга все-рез хозяйством заняться – он вырыл большую яму, как можно крепче сколотил в крышку выпиленные толстые плахи пола, приладил изнутри запор, который могла открыть человеческая рука, но не звериная лапа.

Не учел он одного. В черный день, зло ревя и колотя когтистыми лапами в земляные стенки, плоть его до самого утра требовала того, что не могла никак получить в тесном погребе. Она требовала крови. Той самой – теплой, живой, солоноватой жидкости, которая одна только и способна была утолить немислимую жажду.

Утром он вылез из ямы, как после страшного похмелья: голова раскалывалась от нестерпимой боли, руки и ноги, казалось, не могли передвинуть даже самих себя, его знобило и

мутило одновременно. Упав на лежанку, Степан не шевелился до самого прихода кладовщика, утешаясь лишь тем, что испытание на этот раз уже позади и тайна не будет раскрыта.

Но он оказался не прав, с наступлением темноты руки и ноги снова начало корезить, и Степан едва успел свалиться в погреб и уже не слушающимися пальцами закрыть замок. А потом снова, казалось, уже без конца, рычал, грыз землю и бессильно скреб когтями толстые дубовые плахи. На рассвете он понял: так будет продолжаться каждый день, до тех пор, пока... он не напьется крови.

Еле выйдя во двор, он окликнул одного из возчиков, направлявшегося с дровами в город:

– Дядька Василь, постой-ка...

Тот, видя, что парень едва стоит на ногах, тут же подошел.

– Ты че, Стенька, лица на тебе нет!

– Да захворал я. Ты эта... – Он протянул зажатые в кулаке почти все остатки своей зарплаты. – Купи мне на рынке курицу. Сварю хоть. Ничо нутро не принимает...

– Конешно куплю, какой разговор. Можит, еще че нада?.. В аптеку, можит?..

– Да нет. Только ты эта... битую не покупай. Подсунут каку-нибудь дохлятину. Живу возьми.

Вечером, прежде чем слезть в погреб, Степан столкнул туда пеструю, испуганно закудахтавшую хохлатку.

Утром болезнь как рукой сняло.

К середине зимы о шатуне все забыли. Помнил лишь один человек. Долгими темными вечерами он сидел, положив руки на стол и уронив на них голову, и бесцельно глядел то на неяркое пламя керосиновой лампы, то на быстро густеющую прорубь окошка. Несколько раз губы его начинали дрожать, в уголках глаз вспыхивали слезинки, он быстро поднимался и шел к двери, над которой висела берданка. Снимал ее с гвоздя и даже вставлял в ствол патрон, но потом медленно разряжал, резко отбрасывал в угол, а сам падал на лежанку. Только что мирно клохтавшие за прутьями курятника петух и несколько насекомых мгновенно затихали и тревожно вытягивали шеи.

Весна и солнце пробудили тягу к жизни. А уж первое полнолуние без снега стало для него настоящим праздником. Молодой сивый зверь, казавшийся в лунном свете синим, катался по поляне, переворачиваясь с боку на бок. Словно щенок, подбрасывал вверх зубами и снова ловил подвернувшуюся палку, раскачивался на толстой нижней ветке сосны и кубарем летел в кусты. А потом вскидывался, бежал и снова падал. Казалось, он был настолько поглощен этой игрой и полной свободой, что даже забыл, чем обязательно должна закончиться ночь.

Но вот чуткие ноздри поймали чей-то запах и вожделенно затрепетали, глаза вспыхнули красноватыми огоньками. Ветерок донес до напряженного слуха какой-то звук, совершенно чуждый для леса. Звук этот медленно приближался. Оборотень затаился за кустом у края тропы. Он долго всматривался в полумрак и наконец заметил неуверенно бредущее маленькое существо. Оно временами останавливалось, подергивая головой, издавало свои странные, похожие на резкие вдохи звуки и терло глаза. Каким-то внутренним чутьем Оборотень осознал, что это та самая добыча, которую он подсознательно стремился отыскать все время и за неимением которой довольствовался другим. Нервы его затрепетали, охотничий азарт слился с предвкушением какого-то нежданного счастья, он подобрал лапы и изготовился к прыжку.

Войдя наутро в сторожку, кладовщик с самого порога спросил Степана, еще сидящего за едой:

– Ты новость-то не слышал?

– Какую? – Степан задержал в воздухе голую баранью кость, на которой тщетно пытался найти остатки мяса, срезанного еще до продажи.

– Шатун-то опять объявился. И што натворил-то, злодей!..

– Што? – переспросил Степан, невольно дрогнув, но стараясь выглядеть как можно равнодушной. – Опять собаку поймал?

– Каку хрен собаку! Мальчонку! Тот три дня назад пропал, думали, што заблудился, а вчерась вечером нашли. Видно, медведь иво и уволок с-под самого дому. Горло перекусил, разодрал всего, а одну ногу полностью...

Он не успел договорить фразу, как Степан уронил из рук кость, метнулся к двери и, едва не сбив кладовщика, бросился к уборной. Было хорошо слышно, как его начало полоскать.

Когда он вернулся с посеревшим лицом, кладовщик начал искренне извиняться:

– Ты уж прости, Стенька! Не думал я, што ты такой брезгливый. Не сообразил, што за столом.

– Да ладно, чего уж там, – неожиданно для себя вдруг нашелся и соврал Степан, – я эта... пацаном, в тридцать третьем на Украину попал, в самый голод. Че там только не видал. И этих, которые людей ели... Вот и не могу с тех пор слышать.

– Ну, еще раз звиняй, знал бы – не ляпнул. – Кладовщик развел руками и, уже выходя, заметил: – Я ить эта к тому, штоб берегся. Раз он одного порешил, то теперя уж не остановится.

– У меня бердана, – ответил свое привычное Степан и принялся отмывать подбородок и полоскать рот.

– Охотников, говорят, настоящих вызовут на днях, медвежатников откуда-то из глухомани, да солдат им в помощь дадут – будут облаву делать, – все никак не уходил и не умолкал кладовщик. – Я ить эта к тому, что подымут его, разолят, да вдруг он сюды к нам и вывалит! Ты берегся!

И он поберегся. Когда через месяц, после нескольких облав, жертвами которых стали полтора десятка непричастных к трагедии волков и секачей, медвежатники отбыли в свои края, синий зверь снова появился ночью в пригородном лесу. Конечно, в этом состоянии он не мог воспользоваться и малой частью человеческого сознания, но и заложенного в генах звериного чутья хватало, чтобы понять: дважды устраивать кровавый пир в одном месте – опасно. И он повернул в другую сторону.

В дальнем конце старой лесной дороги, по которой он бежал, появилась пара желтоватых огней. Вместе с урчащим звуком они плыли над землей и быстро приближались. Раньше он несколько раз уже видел подобные огни издали, они мелькали за деревьями и исчезали, но на этот раз впервые оказались так близко. В том месте, где дорога выныривала на поляну, он свернул с нее, лег за упавшее дерево и стал ждать. Огни выплыли на чистое место и тоже остановились. Он уже видел, что принадлежат они огромному черному существу с резким запахом, которое сейчас прекратило урчать. А затем из него вдруг стали появляться другие существа – двуногие, точно такие, какой была его последняя добыча, только заметно крупнее. Они разделились на две половины, одна подошла к чернеющей посредине поляны яме, другая стала напротив, что-то вскинула. И тут внезапно раздался такой оглушительный и частый гром, что Оборотень испуганно вжал в мох морду и застыл, словно парализованный. Затем огромное существо снова заурчало и звук этот стал удаляться. Когда он исчез совсем, Оборотень сначала боязливо поднял морду, но, видя, что никакой опасности ему не угрожает, приподнялся на лапах, а потом и вовсе осторожно вышел на поляну, всю пропитанную запахом гари. Никого из двуногих существ здесь уже не оказалось, а яма была забросана землей. Подойдя поближе, он уловил идущий из нее запах той самой желанной добычи и как будто даже услышал где-то внизу шевеление. Довольно засопев, Оборотень начал быстро разрывать податливый песок и почти сразу натолкнулся на двуногое существо, которое еще слабо подрагивало. Когти вошли в него легко и радостно.

В небе торжествующе и ярко горела луна, последняя мирная луна 1941 года.

Главный координатор Центра соответствия Кодексу и его помощник снова появились в зале, но на этот раз не опустились на свои кресла, а остались стоять. Он понял, что наступил главный момент, и тоже поднялся.

– В соответствии с установленными инструкциями, – начал официальным голосом Координатор, – мы провели полный сбор информации по ситуации с целью изучения нарушения пунктов три и пять Раздела моральных норм Кодекса планеты Лемар. Все изложенные факты, доводы и наблюдения представителя Службы контроля Кодекса, очевидцев и непосредственных участников ситуации, а также объяснения самого сформировавшего криминальную ситуацию введены в Аналитическую систему Высшей Справедливости. Вы можете что-то добавить? – Координатор посмотрел сначала на строгую особу средних лет из СК, а потом на него.

– Нет. – Голос представительницы Службы контроля прозвучал четко и отчетливо. Видимо, она была удовлетворена ходом слушаний.

– Нет, – гораздо глуше и тише произнес он.

– В таком случае я прошу включить подсистемы независимого анализа.

Помощник Координатора сел за пульт и нажал одну из клавиш. По экранам многочисленных мониторов, в том числе и установленному перед самым его лицом, поползли одинаковые сочетания: «1 – виновен... 2 – виновен... 3 – виновен... 4 – виновен...»

Он знал, что сейчас, наверное, многие миллионы жителей планеты и ее колоний, в основном, конечно, престарелых, кто уже отработал свои положенные десять лемарских лет, живет на отдыхе и имеет достаточно свободного времени, следят на своих экранах за этими бегущими строками на фоне осунувшегося лица: такой прием телероботы применяют всякий раз, когда ведут трансляцию с заключительной фазы слушаний.

Он тоже смотрел на экран, но, в отличие от других нарушителей Кодекса, с надеждой или отчаянием ловивших в подобной ситуации каждую новую строчку, даже не пытался уследить, который уже номер обозначил свой вердикт на мониторе. Потому что знал: все подтвердят его вину. Так оно и случилось.

«Виновен», – заключила последняя, тридцать шестая подсистема.

– Прошу включить систему адекватности наказания, – тем же официально-повышенным тоном произнес Координатор, хотя говорить так громко в небольшом зале, где их находилось только четверо, не было необходимости. Но – протокол есть протокол.

На этот раз, едва помощник Координатора успел выполнить команду, он впился глазами в экран.

«Сколько? Кем?!» – застучало в мозгу.

На мониторе появились первые слова, которые тут же начал дублировать бесстрастный механический голос аудиоробота:

– В соответствии с Кодексом планеты Лемар за нарушение пунктов... гражданину, в дальнейшем именуемому Транскрилом-278 и получающему компьютерный код Т-278, М-19, F-42, В-3, МХ-21, определяется в виде наказания пребывание в течение одного лемарского года на планете В-3 пятой стадии развития, звездной системы F-42, галактики М-19 в виде хищного живого существа негуманоидного типа МХ-21 с коэффициентом интеллекта 0,05. Учитывая сотрудничество со следствием и полную достоверность сообщаемой информации во время расследования и слушаний, Система Высшей Справедливости считает возможным один раз во временной природный цикл, определяемый полной фазой спутника В-3, разрешить Т-278 принимать его естественную форму на одну световую и ночную фазу, для чего в программу слежения и трансформирования ввести соответствующую операцию. Система Высшей Справедливости также считает возможным применение при соответствующих обстоятельствах к Т-278 закона о досрочной моральной и физической компенсации наказания.

«F-42, В-3... – повторил он про себя с ужасом, – это же почти дикари, пятая стадия... за пределы своей планеты до сих пор не вышли... Да о чем я! Мне-то придется быть еще более

диким, чем они. На целый год... МХ-21 – как оно выглядит?... Только бы не какая-нибудь окончательная мерзость».

– Транскрил-278... – Координатор обратился к нему уже как к потерявшему право на гражданство. Сокращенный термин перед номером полностью расшифровывался длинно и неприятно – «Трансформированная криминальная личность». – Что вы можете сказать по поводу определенного вам наказания?

– Я постараюсь перенести его достойно.

– Иного мы и не ожидали. Теперь, следуя установленному порядку, я обязан официально предупредить вас, что в соответствии с пунктом пять Кодекса Семи Цивилизаций разрешается только в остро необходимых случаях вступать в прямой речевой или телепатический контакт с представителями любых гуманоидных форм, не достигших седьмой стадии развития. Физический же контакт или передача информации и технологий, которыми они не обладают, называется мгновенным и пожизненным трансформированием в ближайшую неживую форму природы. Подчеркиваю, что вам для наказания определена планета пятой стадии развития, следовательно, все эти запреты относятся к вам самым непосредственным образом.

– Я буду помнить об этом.

– По существующему положению, решение Центра соответствия Кодексу вступает в силу с завтрашнего дня. Сегодня вы имеете право получить и проанализировать всю интересующую вас информацию об определенной вам планете, условиях существования на ней и той сущности, в которую вы будете трансформированы.

Вернувшись в блок изоляции и получив разрешение на подключение к Центру информации, он первым делом запросил видеохарактеристику существа МХ-21. На мониторе появился покрытый бурой шерстью зверь на четырех мощных лапах. Глянув в камеру, он оскалил зубастую пасть и зарычал. Транскрилу стало нехорошо...

Прыжок специального дисколета с опознавательными знаками СК был стремительным. Т-278, казалось, лишь только что откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и в очередной раз задумался о ждущей его неизвестности длиной в целый год, но металлический голос системы управления полетом уже просил всех приготовиться к посадке. А еще через миг стенки аппарата стали прозрачными и он увидел под собой вздыбленную горами поверхность планеты В-З.

Сидевший рядом офицер СК обернулся к нему и извинительно вздохнул:

– Служба есть служба... Прибыли... Вы контролируете себя?

– Вполне.

– Тогда к делу. Обратите внимание на эти пять меридиональных хребтов. Видите их?

– Вижу.

– Мы высадим вас на центральном. Он значительно выше других, и с него видны два хребта с одной стороны и два с другой. Очень удобно для ориентирования. И относительно безопасно. Район этот с трудным рельефом, вдалеке от освоенных зон, и местными гуманоидами почти не посещается. Так что вероятность контакта с ними практически равна нулю. Надеюсь, вы получили информацию, что они – существа не слишком-то развитые и до сих пор, как бы это сказать...

– ...занимаются тем, что наши далекие предки называли «охотой». Я помню.

– Что касается остальных опасностей, то более крупных и даже равных по силе и массе хищников тут нет. Правда, есть несколько видов более мелких и некоторые из них могут иногда объединяться для нападения, но в целом индекс безопасности МХ-21 в этом регионе очень высок. К тому же вы будете, как и положено по закону, обладать повышенным вдвое против обычного для этого вида коэффициентом интеллекта...

– Почти курортные условия, – усмехнулся он.

– Конечно, – в тон продолжил офицер, – особенно если учесть, что вам разрешена регулярная детрансформация. В такие дни вы можете проводить полный анализ ситуации и коррек-

тировать ее, а одновременно точно ориентироваться на местности. Кстати, вы по специальности, кажется, как раз исследователь диких животных, так что можете считать свое наказание...

– ...обычной научной командировкой, – с наигранной бравадой подхватил Транскрил. – Так сказать, углубленным изучением сущности МХ-21 изнутри.

– Вот-вот... – Офицер снова перешел к делу: – Где-то здесь, на краю плато, нам и желательно забрать вас через годик. А для этого мы сейчас сделаем чуть-чуть неприятно...

Офицер откинул панель, достал небольшой продолговатый прибор, поднес его к уху Транскрила и нажал кнопку. Легкий укол означал, что на мочке повисла серьга-микрокапсула, которая с этого момента начнет подавать в компьютер слежения постоянный сигнал и в нем будет закодирована вся основная информация о Транскриле-278. Одновременно устройство позволит управлять с Лемара его трансформацией и обратным превращением.

Дисколет бесшумно опустился на небольшое плато, слегка осветив его мерцающими огнями, покачался на опорах, пробуя грунт, и замер. Пилот нажал клавишу, раздвигая ближнюю к Транскрилу стеновую панель, подвел к проему и выпустил до самой земли трап.

– Пора, – произнес офицер. – Желаю вам поменьше приключений.

– Спасибо и на этом. – Транскрил постарался изобразить уверенность на лице, бодро ступил на трап, так же решительно отошел от дисколета на положенное расстояние и даже помахал рукой.

– А он неплохо держится, – заметил пилот, – не то что тот, 202-й, который за опоры хватался.

– Не чета, – подтвердил второй пилот. – Хотя бравирует, конечно. А вообще я ему не завидую.

– Да уж, давненько мы в такую глушь никого не забрасывали... Ну, я включаюсь.

– Давай.

Дисколет медленно поднялся над вершинами, ярко вспыхнул и мгновенно исчез. И почти сразу Транскрил почувствовал, как какая-то сила начинает наклонять его вперед и вниз, заставляя коснуться руками каменистой почвы...

Заметив из окна своего зимовья какой-то мерцающий свет над вытянутой плоской вершиной сопки по другую сторону долины, Афанасий Слепцов удивился: «Не вертолет ли прилетел? Только почему над горой завис, над старой полосой, что ему там делать? Площадка-то на косе приготовлена, ближе к месту летней базы, как и договаривались. Или заблудился, на точку выйти не может? Да и шума почему-то не слышно... Нет, не вертолет, однако... А что ж это такое?..»

Вертолет он действительно ожидал со дня на день, как и было обговорено, – в первых числах июня. Афанасий не раз уже, закончив охотничий сезон, чтобы не сидеть без дела и заработка, устраивался на лето каюром к геологам. Вот и нынче, еще зимой, выходя в райцентр сдавать пушнину, подписал договор с Белявским из Дабанской партии. Удачно получилось. Во-первых, восемьдесят рублей в месяц плюс полевые на дороге не валяются, а во-вторых – никуда забираться не надо, партия будет работать весь сезон на Улахан-Юряхе, на краю его промыслового участка. Так что даже в собственном зимовье и жить можно. Лошадей, взятых в совхозе в подотчет, он уже пригнал, овса, брошенного вертолетом еще осенью, хватит на первую пору вдоволь, а там и трава пойдет. Кони наново подкованы, объезжены и сыты. Так что он готов, дело за геологами.

«Да куда они денутся, прилетят... Не сегодня, так завтра. Горы и авиация – дело капризное, заранее ничего точно не загадаешь. Как говорят земляки, вертолетка есть – пилотка нет, пилотка есть – погодка нет, погодка есть – вертолетка нет... Прилетят когда-нибудь... А наверх надо сходить, поглядеть, что там засветилось и исчезло...»

Наутро горы до самых средин склонов накрыли тучи. Как выражаются авиаторы, низкая облачность. А потому гостей не жди. Не спеша попив чаю, Афанасий так же неторопливо пересек долину и пошагал к сопке.

Ближний склон, по которому год назад прошел пожар, темнел вытянутой полосой горельника, и только в одном месте, у самого основания горы, зеленела небольшая полянка, отороченная черными скелетами некрупных лиственниц. Афанасий знал, почему огонь не тронул этот крошечный оазис, знал еще с далекого детства – шаманские могилы не горят в пожарах. Старики говорили, а потом он и сам, кочуя по тайге и горам, не раз в этом убеждался. Да, побродил он по Якутии немало, а под старость, вырастив детей и схоронив в райцентре жену, все-таки вернулся в самые родные места, в исконные родовые угодья. Здесь и дед его всю жизнь охотился, и прадед, и прапрадед. Отец тоже, конечно, охотился, но недолго, едва родил Афанасия – и в лагерь попал. В сталинский. Совсем рядом лагерь был, а не вернулся, хоть и срок ему небольшой дали. Лагерь этот до сих пор стоит, только вышки караульные чуть покосились. Афанасий несколько раз там бывал. И на кладбище бывал лагерном, где отец лежит, да только над могилами там одни номера на жестянках. Как узнаешь, под каким номером его кости тлеют? Документы-то до сих пор под секретом. На руках у Афанасия только две бумажки. Одна довоенная, где написано, что отец умер в лагере от болезни. А другая 56 года – по ней отца оправдали, реабилитировали. Такие вот дела...

Невесело размышляя о судьбе родителя, он незаметно дошел почти до зеленой полянки и, не раздумывая, повернул к ней. Просто так пройти мимо было нельзя – грех. Прабабушка его, знаменитая Удаган-Акулина покоится там под почерневшим лиственничным срубом. Ее вечную постель и обошел огонь уважительно. А это значит, есть еще шаманская сила в могиле, слышит еще и видит все из нее в округе своей Удаган-Акулина.

Афанасий, как и положено по обычаю, выходя из дома, обо всем позаботился и теперь, остановившись на уважительном расстоянии от сруба, достал из бывшего потертого рюкзака бересту, пригоршню сухих стружек, несколько оладий, кусочек сливочного масла и тоненький пучок волос из лошадиной гривы. Запалил маленький костерок, опустил сверху на пламя волосы, аккуратно положил оладьи и масло. Тихо пробормотал приветствие и пожелал покоя прабабушке. Огонь костерка вспыхнул высоко и ярко – это хорошо, значит, приняла угощения. Постояв еще немного, Афанасий поклонился могиле и стал подниматься на сопку.

Заныла нижняя часть ладони, там, где всю жизнь у него алел продолговатый кружочек шрама. Афанасий потер его, подумав: «Вспоминает бабушка, опять вспоминает. Не забыла, однако...»

При рождении на этом месте у Афанасия оказался лишний шестой палец. Старики, как увидели, так и зашептались: «Шаманская кость. В прабабку пошел, в Акулину. Ойуном большим будет...» А мать перепугалась: скольких шаманов за последние годы посадили! Вон и мужа уже два раза по повестке вызывали. И только из-за того, что бабка шаманкой была, да мать всю жизнь скотину лечила, кости правила. А теперь он еще и сына-ойуна породил! Нет, коли так шибко невзлюбила новая власть веру предков, не надо играть с огнем. И повезла молчком побыстрее Афоньку в райцентр, в больницу, чтобы отрезали лишний палец. Врач тоже решил, что этот палец мальчишке только мешать будет, и сделал несложную операцию. Правда, отца это все равно уже не спасло, но Афанасию шаманскую дорогу действительно перекрыло. Когда он немного подрос и стал видеть первые сны, по ночам к нему часто приходила Удаган-Акулина и сокрушалась, что он потерял шаманскую кость. А мать, как она потом сама вспоминала, бабушка во снах сильно ругала за операцию, предупреждала, что аукнется это еще мальчонке. Не аукнулось. Афанасий вырос и состарился без всяких проблем с властью, если не считать, что долгое время был сыном репрессированного врага народа.

Вот и сегодня Акулина показала, что помнит его, дала знак, хоть и на исходе уже ее шаманская сила: осенью ровно век будет, как покинула она Средний мир. А когда умирала,

говорила: «Сто лет буду еще с вами, буду помогать, чем смогу. А потом насовсем уйду в Джабын, в мир мертвых шаманов». Нынешняя могила ее – третья по счету, как положено, в земле. Ровно двадцать пять лет назад погребли. Два первых захоронения в арангасах-лабазах были – на деревьях, там – наверху, на сопке. Первый арангас от времени упал – дед ее косточки во второй переложил. Вторым упал – в землю положили, как обычай велел и как она сама завещала. Только похоронили не наверху, а под горой – место спокойнее. Наверху-то, рядом с самым арангасом, во время войны полосу проложили, самолеты сперва в лагерь какой-то груз возили, а потом к геологам летали, что на Дыбах разведку вели. Ну и беспокоили бабушку сильно...

Плоская вершина сопки, уже полностью освободившаяся от снега, еще накрытая рваной шкурой желтого, не ожившего мха, была расчерчена извилистыми линиями бараньих троп. Кое-где виднелись старые лежки, вытопанные копытами и вытертые боками до желтого суглинка плешин. Никаких посторонних предметов видно не было, но в самом центре площадки чернел большой ровный круг, словно старое гигантское костровище.

«Ин-те-рес-но! – протянул Афанасий. – Откуда он взялся?!» Разжигать костры на участке, кроме него, было некому, да и зачем это делать на голой сопке?.. Еще раз вспомнив вчерашний мерцающий огонь, совсем не похожий на костер, он наконец-то догадался: «Однако, метеорит упал... Геологам показать надо...»

Глянув вокруг, – не валяется ли где поблизости оплавленная булыжина? – он цепким взглядом таежника тут же заметил чуть в стороне четкие и свежие отпечатки пятипалых лап.

«Какой любопытный Старик! – Афанасий покачал головой. – Вперед меня посмотреть прибежал. Не наш, однако, с другого места прикочевал, большой шибок. Как бы лошадок не тронул, надо их поближе к избушке перегнать...»

И Афанасий заспешил к зимовью.

Вертолет уже полтора часа рубил винтами поднебесье. Монотонный гул турбин и мелкая вибрация всего корпуса постепенно утомили сидящих внутри, и почти все они задремали. К тому же для большинства плывущие внизу горы не казались чем-то необыкновенным, подобную картину они видели многие десятки раз, и она волновала их лишь в первые минуты. Но только не Зденека Шастеля и двух практикантов – Верку Заимкину и Валерку Стрельцова, которые то и дело прилипали к иллюминаторам. Верка вообще в первый раз в жизни летела на вертолете, да и на Крайнем Севере оказалась впервые. Хотя второй год числится в сибирячках – ровно столько, сколько учится в техникуме. Вообще-то она родом с Брянщины, из глухой, затерянной в лесах и снегах деревеньки Еловая, но так случилось, что приехала учиться на геолога в далекий, неведомый ей Иркутск. Там давно жила ее родная тетя, вот Верка и перемахнула к ней почти через всю страну. В Еловой она оставила мать и терзавшие ее тогда воспоминания о первой неудавшейся любви. А геологию выбрала, чтобы забраться куда-нибудь подальше в лес или горы от всех людей, казалось, так и тычущих пальцами в неудачницу, брошенную простым сельским трактористом. Отслужив в армии, ее Петька, с которым она гуляла еще с восьмого класса, которого верно ждала два года на виду у всей деревни, которому по два раза в неделю писала длиннющие письма, просто не пожелал вернуться в Еловую. И не позвал ее к себе в Тверь, где остался и устроился после дембеля. Но, как говорится, нет худа без добра, и та же самая любовь, которая заставила ее пролить немало девичьих слез и фактически сбежать куда глаза глядят, распахнула перед ней не только двери в романтическую и увлекательную профессию, но и в яркий, наполненный событиями и интересными людьми мир бывшей сибирской столицы. К тому же в первое время, замыкаясь в себе и не ища веселых компаний, Верка пряталась от однокурсников в библиотеке. И здесь она, еще не ступив ни шага по геологической тропе, начала открывать для себя огромный и загадочный мир тайги, гор и приключений. По книгам. В ее родной Брянщине она бы никогда и не услышала о сибирских писателях-геологах, а тем более не прочитала их повестей и романов. А теперь с героями первопроходца-изыскателя Григория Федосеева, известного палеонтолога Ивана Ефремова и

их предшественника Вячеслава Шишкова Верка прошла тысячи маршрутных километров по Восточной Сибири и Дальнему Востоку, побывала в пустыне Гоби, на Алтае и на Крайнем Севере. Вместе с ними она погружалась в тайны Угрюм-реки и кладбища древних животных в недрах гольца Подлунного, спасалась от неминуемой гибели в тисках Джугджура, задыхалась в раскаленных песках Монголии, шла заповедными тропами, ведомыми только «лесному человеку» Улукиткану, выслеживала коварного медведя-людоеда на склонах Ямбуя. А поскольку авторами этих книг были не выдумщики-беллетристы, а много повидавшие, умудренные преодолением реальных сложностей и сделавшие настоящие большие открытия люди, то эти повести и романы могли служить и служили хорошими учебниками полевой геологической жизни. К тому же Иван Ефремов был прекрасным историком и даже автором не совсем типичных для «советской» литературы философских взглядов и порожденных ими героев. Чего стоила одна знаменитая гетера Таис Афинская, которую он не побоялся сделать главной героиней романа. Правда, дожидаться очереди в библиотеке на этот роман было не так-то легко, но Верка дождалась и почти окончательно влюбилась в Ефремова. «Почти» потому, что он писал еще и фантастику, а ее-то Верка не очень жаловала. Так что год она прожила в книжном, но при этом вполне реальном и осязаемом мире, где главными действующими лицами были настоящие парни с их мужскими поступками, крепким словом, порядочностью и готовностью вызволить друга из любой беды. На этом фоне образ мелкого в своей расчетливости Петьки быстро тускнел и постепенно сходил на нет.

Веркины обида и боль стали потихоньку угасать, а потом и вовсе поселились лишь где-то в самом потаенном уголке памяти, заслоняясь иными впечатлениями, встречами, лицами. Прошло несколько первых, самых сложных месяцев, потом первый год, и волшебная сила молодости оживила, возродила ее для новой жизни и, может быть, новой любви, сначала осторожно повела, а потом и помчала по кругу стремительной и радостной карусели студенчества.

И вот теперь Верка была по-настоящему счастлива и не могла этого скрыть: темно-карие глаза на смуглом лице то и дело радостно вспыхивали, по губам блуждала едва заметная улыбка. Еще бы, отвиснут же челюсти у однокурсников, когда она им выложит, что не ковырялась, как большинство из них, в какой-нибудь глине, гравии или прочих стройматериалах за околицей сибирской деревни, а искала золото, настоящее ЗО-ЛО-ТО! И не где-нибудь, а возле самого Полюса холода, в заповедных горах со снежными вершинами, в местах, куда, можно сказать, нога человека не ступала!

Опережая события, она на мгновение мечтательно прикрыла глаза и тут же оказалась в том самом каньоне, что видела недавно в американском фильме «Золото Маккены». Обрывистую стенку каньона рассекало несколько мощных жил ослепительно-желтого цвета, а у подножия валялись огромные куски горящего на солнце металла. Высоко в небе (ее же ждут такие дикие края!) парил хищный гриф, но (на месте ей иногда будут выдавать оружие!) бедро успокаивающе ласкал колыт, и к тому же (в лагерь для них уже перегнали полудиких лошадей!) верный мустанг ржал за спиной, добавляя уверенности. А из глубины каньона мчался на своем вороном красавец ковбой Маккена...

«Вот с последним будет посложнее... – Верка открыла глаза и уже взглядом прекрасной и отчаянной киногероини незаметно, но оценивающе скользнула по спутникам, с которыми ее соединила судьба на весь полевой сезон. – Начальник партии и их отряда Игорь Ильич?.. Нет, слишком стар, пожалуй, ему уже за сорок. Да и со своими очками, аккуратной бородкой и ленинградской интеллигентностью он просто не будет смотреться в седле... Хотя в решительности действий ему не откажешь. Чего стоит одна сегодняшняя операция по вызволению Полковника, как пошутил Диметил, “из вражеского плена”!» В последние дни перед вылетом Верка не раз слышала, как этим прозвищем то с оттенком восхищения, то с ехидцей называли какого-то мистического горнорабочего, которого она так и не увидела за все время подготовки к забросу отряда. В конце концов старший техник партии Ленка, девчонка чуть постарше

Верки, с которой они быстро сошлись, потихоньку шепнула практикантке, что знаменитый маэстро лотка и кайлы, он же в миру Карпыч, получив причитающийся аванс, ушел в запой и загремел вместе со своими дружками на пятнадцать суток. Для их начальника это настоящее ЧП, даже трагедия: перед самым полем все хорошие промывальщики давно разобраны по партиям, да и такого, как Полковник, вообще не сыскать! Не зря же они его всю зиму прикармливали. Что теперь делать – неизвестно. Но Белявский, оказывается, знал, что делать. Когда вертолет уже раскручивал винты на полосе, загруженный снаряжением и геологами грузовик завернул к милиции. «Я сейчас, быстро», – бросил на ходу Белявский и нырнул в мрачное каменное здание. Он действительно вышел ровно через пять минут, а за ним, догоняя, буквально летел по воздуху обросший, исхудалый, оборванный, но очень счастливый мужичонка, за которым еще более радостно скакала похожая на хозяина собака. «Спаситель! Спаситель! Ильич! Век не забуду! Ильич! – кричал мужичонка в спину Белявскому. – Сезон отпашу, Ильич, по полной!..» Как объяснил всем вслух в машине Белявский, ему удалось-таки вырвать Карпыча из рук милиционеров... «Что же, шеф поступил как настоящий мужчина. Но возраст... Начальник... Нет, не то...»

Верка перевела взгляд на Диметил. После взлета он почти сразу вытащил из рюкзака свой «Зенит» и сейчас сидел, уткнувшись им в иллюминатор вертолета. А может, ему так было проще скрывать смущение, которое он явно испытывал до сих пор по отношению к ней.

«Итак, Диметил... Пардон, мы уже встречались в романтической обстановке...» – Она не смогла сдержать улыбки, вспомнив про их знакомство. Прилетев два дня назад в Северомайск и отыскав здание экспедиции, она поинтересовалась у первого же встречного в коридоре, кто у них занимается практикантами. Ответ был доброжелательным и полным:

– У нас на этом деле сидит товарищ с очень необычной, но очень геологической фамилией – Диметил. Запомнили? Ну-ка повторите!

– А чего не запомнить-то? Ди-ме-тил. Это как мазь от комаров, да?

– Правильно. Сразу видно, не в первый раз в тайгу собираетесь. А то кое-кто из столичных девочек такого слова и не слышал. Так вот, зайдите в кабинет номер пять, объясните, что вы на практику, и спросите Диметилу.

– Спасибо большое.

– Не за что.

Она так и сделала, но вместо ответа в указанном довольно многолюдном кабинете вдруг последовал взрыв хохота. Смеялись за всеми столами, только за одним молча и густо покраснел лысоватый мужчина средних лет, а потом схватил сигареты со спичками и почти выбежал в коридор.

– Да не сюда вам, девушка, – наконец произнес человек в очках, скользнув рукой по своей аккуратной интеллигентской бородке. – Над вами просто пошутили. И вы сегодня здесь уже не первая. Так что извините нашу реакцию. Вам на второй этаж надо, к замначальника по кадрам. Кабинет номер двадцать три. Иван Сидорович Сосновский. Он даст вам направление в одну из партий.

И так уж получилось, что направление ей вручили именно к ним, в Дабанскую партию.

Вечером того же дня Ленка, которая не ехала в этом году в поле из-за поступления на заочную учебу, пригласила Верку к себе на чай в общежитскую комнатку и все объяснила. Оказалось, что Вадима в его годы еще никто ни разу не видел рядом с женщиной. Более того, кажется, он вообще их панически боялся. И тому была причина: Вадим платил алименты на ребенка некой молодой специалистке, которую ему когда-то едва представили. Друзья попросили оформить с ней фиктивный брак, чтобы вытащить несчастную «по семейным обстоятельствам» в райцентр из далекого села, где она должна была отработать три положенных года. Они расписались, даже не распив по бокалу шампанского, и барышня укатила к маме во Владивосток за вещами. Она хотела поуютней устроиться в райцентре, а уж потом оформить с

Вадимом развод. Но подзадержалась на берегу восточного моря сначала на несколько месяцев, затем на год. А потом на имя Вадима как «законного супруга» пришел из владивостокского суда исполнительный лист на ребенка, которого он никогда не видел. Конечно, это тоже было предметом для подкалываний неудачника по женской части. Потому-то местные шутники и отправляли к нему «на прием» всех приезжающих «невест». Одна из них и назвала впервые Вадима Диметилом, спутав название антикомарина с его молдавской фамилией Митител. Прозвище приросло мгновенно и намертво. «А вообще-то он умница, – сообщила в заключение Ленка. – Ленинградский горный институт с отличием закончил. Светлая голова, но по нашей части, увы...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.